

Колдовские миры

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

ОТРАЖЕНИЕ
Зеркало войны

Колдовские миры

Галина Гончарова

Отражение. Зеркало войны

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончарова Г. Д.

Отражение. Зеркало войны / Г. Д. Гончарова — «Эксмо»,
2019 — (Колдовские миры)

Война бывает только на фронте? Ох, не скажите. Там она страшная и кровавая, но хотя бы честная. Сила против силы, храбрость против храбрости. И даже если против тебя встало войско – это не повод сдаваться. Маркиз Торнейский и не собирается, он ведь еще жив! Война бывает и с родственниками – в суде, и с соперницами – за сердце мужчины, а уж какие баталии могут разворачиваться за наследство! Матильде и Марии-Элене достается полной чашей. Родные хотят от них денег, мужчины – взаимности, соперницы – медленной и мучительной смерти, а чего хотят сами девушки? Об этом их никто не спрашивает. Вот и приходится действовать на свой страх и риск. Но вдвоем они справятся с чем угодно!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гончарова Г. Д., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	42
Глава 5	57
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Галина Гончарова

Отражение. Зеркало войны

© Гончарова Г. Д., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Зачем из зла исходит вечно зло,
Из пытки боль еще острейшей пытки?
Мы братья все – и ежели могло
Чье сердце только смерть в житейском свитке
Читать и по наему убивать,
Пусть и оно узнает, в чем свобода.
Несчастье – злом за злое воздавать.
О Небо, о Земля, и ты, Природа,
Все через вас: и тот, кто сделал зло,
И кто, отмишенью чужд, глядит светло!*

*Перси Биши Шелли.
Возмущение Ислама
(перевод К. Бальмонта).*

Глава 1

Матильда Домашкина

– Блин, я разочарована...

– Чем?

– Я думала, все будет совсем иначе, ребята так об этом рассказывали, а тут, а здесь, а, блин!

К счастью, диалог Марии-Элены и Матильды никто не слышал, а то бы еще за неуважение к суду добавили... если есть такая статья. Матильда выяснять не рвалась, ей и так было противно.

Всем встать, суд идет!

Ага... Как это выглядит в американских фильмах – видели все. Красиво... может, даже американцы законы соблюдают, и вообще.

Как выглядит герцогский суд?

Тоже красиво. Назначается определенный день, народ собирается, все, кто хочет воззвать к герцогскому правосудию, приходят на площадь города, или в магистрат, или в замок – куда прикажут, и там все оформляется с шиком.

Золоченое кресло для герцога, стол для его секретаря, стража, даже палач и плаха – мало ли что? Мало ли кто?

А у нас!

Мария-Элена была разочарована с самого начала. Матильда – тоже.

Начать с местонахождения суда. Черт-те где.

Она специально отпросилась у Антона на весь день, и не прогадала. Поехала за час и, приехав, сразу же начала удивляться.

Кто мог бы догадаться, что вход в суд находится рядом с магазином нижнего белья? Причем дом построен квадратом, так вот, рядом с магазином нижнего белья – дверь, вы входите в нее, проходите сквозной коридор, оказываетесь во внутреннем дворе, протискиваетесь через машины на автостоянке и натываетесь на вторую дверь.

И она-то ведет в суд.

Мария-Элена юмора не оценила. Если бы кто-то рядом с местом, в котором проводит суд ее отец, панталонами торговал... знаете, это как-то неэтично. Вообще.

Но – ладно. Зато центр города, старое здание, потолки под три метра, рама металлоискателя... Опять – прекрасно, но когда строилось здание, видимо, это был черный ход, для всякой шелупони, и раму кое-как втиснули в узкое пространство, а за ней примостили убогого вида облупившийся деревянный стол образца так семидесятого года. Где они нашли-то этот антиквариат? В приличных учреждениях такое сто лет назад списали...

Опять-таки дело житейское.

Просто в этом проходе и коридорчике двоим уже не разминуться, так и вспоминается бессмертное филатовское: «Кто хочет на Колыму – выходи по одному»¹.

Сидит за этим столом паренек в погонах, со здоровущим прыщом на шее, кое-как замазанным тональным кремом, и проверяет входящих.

Рама, сумка, вытащи все из карманов...

¹ Леонид Филатов «Про Федота-стрельца, удалого молодца» (Здесь и далее прим. авт.).

Матильда сочувственно поглядела на парня и подумала, что, будь она террористом, она бы тут со смеху и сдохла.

Линия защиты, блин! И нет другого слова! Один точный удар сумкой – и даже она надежно нейтрализует защитника. А кому смешно – взвесьте дамскую сумочку в руке, и мигом поймете, что это лучшее оружие ближнего боя.

Но послушалась, продемонстрировала все, что могла, и отправилась искать нужный кабинет.

Само заведение выглядело вполне прилично. Жутковатый цвет стен (больной желтухой крокодил), белые двери – не пластик, дерево, правда, столетней давности, врезные замки, коридор, скамеечки...

Почти поликлиника, даже манеры у младшего персонала похожи.

Матильда попробовала осведомиться, что и где, заглянув за дверь с надписью «Секретарь», но оттуда рывкнули не хуже гарпии:

– Кабинет у вас написан? Сидите ждите, вас вызовут!

Вот и вся вежливость.

Может, где-то дело обстоит иначе, Матильда на это надеялась. Но здесь ей не нравилось.

– Ты же работала в юридической конторе. Неужели ты в суде не бывала?

Мария-Элена была искренне удивлена. А чем?

– Я же не юрист. Я – делопроизводитель... в перспективе. То есть законов не изучаю, моя работа – с бумажками. Возиться, систематизировать, оптимизировать, готовить... а по судам юристы бегают, им за это зарплату платят.

– Больше, чем секретарю?

– Зависит от места, – пожала плечами Матильда.

– А почему ты решила стать именно делопроизводителем? Тебе это нравится?

Нравилось ли это Матильде?

Нет. Но...

Чтобы в нашем мире заниматься любимым делом, надо очень, очень хорошо зарабатывать. Или просто иметь постоянный независимый источник дохода.

Мария-Элена обдумала этот ответ.

– А кем бы ты хотела стать?

Как-то раньше она подругу не спрашивала, к слову не приходилось. Да и... в ее мире у женщины было три специальности, органично сменяющие друг друга. Дочь, жена, мать. Еще – бабушка.

А в мире Матильды женщины могли сами выбирать себе дорогу, профессию, мужа... это – здорово?

Когда как.

Матильда вздохнула.

– Я мечтала стать дизайнером интерьера.

– Это?..

– Когда приходишь в квартиру или дом, рисуешь каждую комнату, прикидываешь, как ее обставить...

– Тебе это нравится?

– Интересно же! И у нас столько стилей... если бы ты видела! Авангард, ар-нуво, барокко, георгианский стиль и гранж, лофт и манга, османский и романский стили, эклектика и стимпанк... и это я даже десятой части не перечислила.

Мария-Элена и слов-то таких не знала. Но суть уловила.

– А почему ты не попробуешь?

Ответом было пожатие плечами.

Деньги, всё упирается в деньги.

Легко заниматься интересным делом, если можешь сидеть у кого-то на шее. Мамы-папы, бабушки-дедушки помогут? Ты и дизайнерскую контору откроешь, и что хочешь сделаешь. А если ничего нет? Как тогда?

Кто-то скажет, что к своей мечте надо идти через трудности и лишения? Да. Но во время ходьбы надо же и что-то кушать?

Даже если бы Матильда открыла эту контору – где взять клиентов? И защиту от клиентов? Вариант «Вы мне все сделайте, а я посмотрю и заплачу, если мне понравится» весьма и весьма распространен в наше время. И ведь находятся гении, которые верят в грядущую оплату!

Наивняк!

У Матильды же ни связей, которые позволят найти нормальных клиентов, ни репутации, да просто – ничего. Ноль.

Обратиться в дизайнерское бюро и поработать там? Она это и так может сделать, в качестве делопроизводителя. Кто сказал, что нельзя? Ей только восемнадцать, все еще впереди. Но пока надо получить образование и какую-то работу, чтобы оставаться на плаву.

Работа есть, осталось образоваться.

Мария-Элена кивнула.

– Тильда, а ты мне покажешь?

– Что?

– Стили, о которых говоришь? Названия красивые, а как это будет выглядеть вживую...

– Покажу. У нас еще час.

Матильда достала из сумки дешевый планшет. Дрянь, конечно, прогружается медленно, фильмы не посмотришь, но есть два плюса. Зарядку держит долго и карта памяти большая. Ей хватает.

– Вот, смотри. Это эклектика. Основные признаки...

И девушки уткнулись в планшет.

* * *

В реальность их вернуло многозначительное покашливание над ухом.

Матильда подняла голову, и...

– Тильда!!! НЕТ!!!

Вопль Марии-Элены был такой силы, что девушка на миг зажмурилась и поспешно передала управление над телом.

И было от чего беспокоиться герцогессе.

Рядом с девушкой, улыбаясь во весь рот, полный золотых и серебряных зубов, стояла тетя Паша. Или Параша...

Матильду затрясло.

То есть – затрясло бы, если бы она контролировала тело. Вот тут она бы и вскочила, и разоралась, и ее бы точно вывели за неуважение к суду.

Мария-Элена собой владела намного лучше сестры. А потому на долю Прасковьи Ивановны пришелся надменный взгляд, который словно теркой прошелся по всей женщине, от уложенных в «гулю» жидковатых крашенных волос, по свитеру ядовито-зеленой расцветки со стразами, по зеленой же юбке, только другого оттенка, до носков коричневых туфель со здоровущими цветами. И опять вернулся в планшет.

Сама Матильда выглядела намного элегантней оппонентки.

Русые волосы уложены в узел-ракушку. Платье свободного силуэта фигуру не подчеркивает, но и не слишком скрывает. Есть такие фасоны, вроде бы и все закрыто, от шеи до колен, но сама ткань очень удачная. Мягкая такая, уютная, светло-серого цвета, так и хочется

провести ладонью. Облегающий верх, чуть расклешенный низ, никаких вырезов и украшений. На шее – золотая цепочка. Черная сумка, черные туфли.

– Мотя, не думай о ней, ты слишком нервничаешь, ты меня сейчас вытолкнешь. Расслабься...

– СУКА!!!

– Мы ее еще отправим на мыловарню. Но не сразу, нет, не сразу... ты сама говорила, что месть подают холодной!

Матильда вздохнула, расслабилась...

– Прости. Действуй, ладно? Я все подскажу, но общаться с этой мразью выше моих сил. Мария-Элена чуть расслабилась. Подруга у нее замечательная, но все же несдержанная...

– Все равно они гниды!

– Кто бы спорил. Терпи...

Матильда вздохнула.

Потерпим. Пока – потерпим. Суд – не место для выяснения отношений.

Прасковья Ивановна так не думала. Она плюхнула свой объемистый зад рядом с Матильдой, отчего скамейка жалобно скрипнула, и мило улыбнулась еще раз.

– Как дела, Мотенька?

Мария-Элена вскинула брови.

– Неужели вы не в курсе?

– Я ж за тобой не слежу, – с неудовольствием отозвалась Прасковья Ивановна, понимая, что дело не выгорит. И вывести Матильду из себя точно не удастся.

Мария-Элена мило улыбнулась.

– И пришли сюда вы потому, что у вас угнали машину?

– Какую машину?

– Или украли собачку?

– Нет у меня никакой собачки!

– Зато повестка в суд есть. В пятый кабинет.

Мария-Элена была наверняка, и по злым огням в глазах Параши поняла, что попала в точку.

– Да! И что?

– Абсолютно ничего, – пожала плечами девушка.

И опять уткнулась в планшет, не обращая внимания на соседку по скамье. Хотя это было сложно. Прасковья Ивановна подготовилась к походу в суд и вылила на себя полфлакона какого-то ядохимиката.

Туалетная вода? Очень подходящее название, непонятно только, зачем ею людей поливать? Надо бы использовать по назначению, для туалета! И даже из-под ошалелого запаха химической розы пробивался аромат пота, кисловатого и неприятного.

Долго тетка молча не просидела.

– Это все потому, Мотенька, что ты старших не уважаешь.

Мария-Элена промолчала. Прасковья Ивановна вдохновилась и продолжила:

– Мать свою ты прогнала, добрых советов слушать не хочешь, и высокомерия в тебе много. Ты бы, Мотенька, жила, как все порядочные девушки, и все бы хорошо было. Парня бы себе порядочного нашла, замуж вышла... слышишь?

Толстая лапища с несколькими золотыми кольцами легла на коленку Марии-Элены и чувствительно встряхнула.

Мария-Элена медленно подняла голову от планшета.

– Любезнейшая, вы ко мне обращаетесь?

Тетя Параша фыркнула.

– А то к кому ж?

– Тогда извольте запомнить, что меня зовут Матильда Германовна.

– Не доросла ты еще до Германовны.

– Тогда и до ваших мудростей я тоже не доросла.

Такими мелочами Прасковью Ивановну было не смутить.

– А ты все же послушай! Чем по подворотням шалавиться...

Мария-Элена демонстративно вытащила из кармана телефон, выбрала режим диктофона и включила.

– Продолжайте, пожалуйста. Что вы мне хотели сказать о подворотнях?

– Выключи немедленно!

Матильда чуть позлорадствовала.

Да, здесь вам не там, это не старые времена, когда можно было поливать оппонента грязью, а потом кричать: «Люди добрые, да что ж это делается-то, я к нему со всей душой, а он сиротиночку избил!!!» Сейчас все записывается, и широту души можно оценить в присутствии свидетелей.

– Вас что-то не устраивает, любезнейшая?

Тетя Параша надулась и отодвинулась.

Законы она знала плохо, поэтому предпочла помолчать. А вдруг потом ее привлечет за что-то смогут?

По счастью, сидеть пришлось недолго. Не прошло и десяти минут, как из кабинета номер пять вышли люди, потом выглянула секретарша и вежливо пригласила:

– Кто следующий, на десять тридцать? Заходите!

Мария-Элена чуть замешкалась, и первой в кабинет с грацией боевого слона, ринулась тетя Параша.

* * *

Внутри кабинет выглядел не слишком презентабельно.

Стены были окрашены в персиковый цвет, но мебель удручала. Здоровущий стол для судьи был самым новым из имеющегося. Столик для секретаря оказался таким же престарелым и обшарпанным, как и мебель в коридорах, а стулья для клиентов заставили Матильду порадоваться, что платье – длинное. Иначе пришлось бы попрощаться с колготками.

Видимо, это беда районных судов – если их и финансируют, то по остаточному принципу.

Секретаршу Матильда разглядывала с профессиональным интересом. Симпатичная девушка, с хорошо покрашенными и уложенными волосами, с длинными ногтями, с макияжем и в дорогой одежде. Да, Антону она бы больше подошла в приемную.

– Пф-ф-ф-ф, – отозвалась Мария-Элена.

Матильда невольно улыбнулась. Подруга понимала, что не имеет права на ревность в отношении Антона, и все равно ревновала и злилась. Но картинка-то на уровне? А какое там качество работы – еще большой вопрос.

– Встать, суд идет.

Вот уж не ожидала Матильда услышать эту фразу. Но послушно встала. Они с Прасковьей Ивановной выбрали места подальше друг от друга, и теперь та сверлила Матильду злым взглядом. А чего злиться-то?

Матильда бы сюда век не приходила, ей не оставили выбора.

Судьей оказалась симпатичная женщина лет сорока, полноватая, с темными волосами, уложенными в короткую модельную стрижку, в чем-то темном вроде мантии.

Она опустила за стол, кивнула секретарю – и та отмерла:

– Прошу всех сесть, – и уткнулась в бумаги.

Судья посмотрела на Матильду и чуть менее одобрительно на Прасковью Ивановну.

– Добрый день. Ленинским районным судом рассматривается гражданское дело по иску Домашкиной Марии Ивановны к Домашкиной Матильде Германовне о признании недействительным...²

Матильда внимательно слушала.

Судья объясняла. Прочитывала статью, огласила состав суда, разъяснила права и обязанности обеих сторон, предусмотренные законом. Спросила про отвод, но тут обе стороны единогласно отказались – никто не имел ничего против судьи. Спросила про представителей, и тут началось самое интересное.

По доверенности Прасковья Ивановна была законным представителем Марии Домашкиной. Та в настоящее время не могла приехать и выдала бумагу Параше. На представление ее, Марии, интересов в суде.

А интересов было много.

В исковом заявлении мать требовала ответа по нескольким статьям, номера которых Матильда записала в блокнот, почитать на досуге. А если русским языком, дочь была виновна: во-первых, в присвоении наследства – статья 1149 гражданского кодекса. Во-вторых, в нарушении статьи 1148 того же кодекса – Мария Домашкина, оказывается, получила третью группу инвалидности и была нетрудоспособным ребенком наследователя. В-третьих, в использовании в корыстных целях недееспособности завещателя, то есть якобы Матильда воспользовалась неадекватным состоянием бабушки и заставила ее подписать бумаги в свою пользу.

И вишенкой на торте – любящая мамочка еще и на алименты подала. Матильда совершеннолетняя, а мать инвалид, вот и...

Судья огласила весь список и уточнила у Матильды, все ли понятно.

Девушка вежливо встала со стула.

– Да, ваша честь. Мне все понятно, благодарю вас.

Мария-Элена продолжала держать контроль над телом, и теперь Матильда могла только подсказывать, а то наломала бы дров. У нее самой идей не было, но желание разломать о Парашину «гулю» десяток стульев – было. Мария-Элена в этой ситуации держалась спокойнее.

– Вы согласны с предъявленным вам исковым заявлением?

– Нет, ваша честь.

Судья кивнула, словно и ожидала это услышать.

– Вы имеете право...

Дальше стандартно. Примириться, отказаться, одуматься, вернуться...

Матильда бы все это с удовольствием проделала, но – увы. Придется тратить время и силы. Интересно, что за болезнь у ее мамы? Даже и третья группа дается далеко не всем, и если кто-то ходил по поликлиникам, он знает, как тяжело оформить инвалидность. С ума сойдешь, пока всех врачей пройдешь.

Мамочка не поленилась.

С точки зрения Матильды, это свидетельствовало о ее несокрушимом здоровье. Или здорověм блате. Есть исключения, есть, но большая часть больных просто не имеют сил, чтобы преодолевать все врачебные «рогатки».

Сначала спрашивали Прасковью Ивановну.

Та в красках рассказала, как Матильда выгнала родную мать, как выяснилось, что она оттяпала в свою пользу все имущество покойной бабушки, а у матери – инвалидность. Потом тетка Параша попыталась охарактеризовать саму Матильду, но тут уж нашла коса на камень.

² Уважаемые читатели, чтобы не превращать книгу в протокол судебного заседания, я урежу юридическую часть. Не имею ничего против юристов, но специфическая терминология, которой они пользуются, не всегда уместна в художественной литературе.

Судья достаточно вежливо оборвала излияния, уточнив, что именно может дама сказать по делу. А моральный облик подсудимой... Да будь она хоть дочерью Чикатило – в данном судебном деле это неважно.

Дело дошло до Матильды.

Мария-Элена опять встала.

– Ваша честь, разрешите мне предоставить суду копии некоторых документов?

– Каких?

– Свидетельство о государственной регистрации права собственности. Договор дарения. Договор ренты.

Судья кивнула, и Матильда передала документы секретарю, а уж та – судье. На ознакомление ушло минут пять, потом судья подняла на Матильду потеплевший взгляд.

Ну да.

Уже не хищница, которая воспользовалась беззащитностью старушки, а просто внучка, которая жила вместе с бабушкой, заботилась о ней, да и сроки оформления документов вызывали доверие. За пару лет до смерти Майи Алексеевны Домашкиной. Не за месяц или за неделю, нет...

Завещатель сперва распорядился, а потом пожил в своей квартире, умер в ней же, был похоронен со всем почетом...

Прасковья Ивановна сверлила Матильду злобным взглядом. Но от герцогессы все отлетало, как от стенки. Куда уж этой корове до матушки-настоятельницы Эралин! Вот где был гибрид гарпии с василиском, а Параша – жалкая дилетантка.

– С вашего позволения, ваша честь, я поясню?

– Да, пожалуйста.

– По вопросам искового заявления. Бабушка оформила дарственную на меня, когда я стала совершеннолетней. Бабушка была в здравом уме, в твердой памяти, она отдавала себе отчет в своих действиях, и это могут подтвердить и нотариусы, у которых она все оформляла, и врачи из поликлиники, в которой она лечилась. Если нужно, я представлю список с телефонами и адресами.

Судья кивнула. Мария-Элена восприняла это как разрешение продолжать.

– Также я могу пригласить свидетелей, которые докажут, что я жила с бабушкой всю свою жизнь, я заботилась о ней до ее последнего дня, и упрекнуть меня не в чем.

– А я могу представить свидетелей обратного! – рявкнула Параша. – Шалавилась ты, а не заботилась!

Судья перевела гораздо менее благосклонный взгляд на Прасковью Ивановну.

– Попрошу вас держать себя в руках. Иначе я приму меры.

Гадкая тетка заткнулась. Но глаза у нее стали как две иголки. Мария-Элена пожала плечами и продолжила:

– Более того, если не считать встречи, во время которой родная мать пыталась меня шантажировать, я не видела ее уже 16 лет.

Судья прищурилась. Дело переставало быть томным.

– Поясните?

– Когда мне было два года, мой отец решил бросить мою мать. И уехал. Мать поехала за ним, бросив меня на попечение бабушки. С тех пор я ее не видела и даже не сразу узнала, когда она появилась. Только когда мать предъявила документы. Поэтому я считаю, что ее претензии на какие-либо алименты неправомерны, ваша честь. Она меня не растила, не воспитывала, впервые после многих лет увидела около месяца назад и сразу же решила, что мне надо продать квартиру и уехать в поселок, чтобы служить нянькой для детей, которых она потом нарожала. Я отказалась, что и привело к закономерному результату. Если это необходимо – я также могу предоставить свидетелей.

Судья задумалась.

Дело о наследстве рассыпалось на глазах. Дарственные не оспоришь, человек имеет право дарить кому угодно и что угодно. Хоть бы и ездового верблюда. Если бы были доказательства, что дарственная составлена под принуждением... Но таковых – нет. А даритель мертв в результате... где тут ксерокопия карточки?

Болезни Паркинсона?

Судья знала, что это за кошмар.

Что остается тогда? Договор ренты? То же самое. Если вызвать повесткой свидетелей, которых назовет девушка, а она назовет, нет сомнений... все рассыпается, как картонный домик.

С момента составления договора ренты квартира уже не принадлежала Майе Алексеевне Домашкиной. О каком наследовании тут может идти речь? И о какой недееспособности?

Могли ли препараты, которые назначались больной, повлиять на ее разум? Об этом лучше спросить медиков, но вряд ли.

Договор дарения составлен у одного нотариуса, ренты – у другого. Один человек еще может пойти на сговор, но когда их двое, все изрядно усложняется, к тому же одного нотариуса судья знала лично. Та еще зараза...

Что остается?

Алименты.

Статья 87 СК РФ, по которой, нравится, не нравится, дети обязаны содержать своих родителей, если те нетрудоспособны.

Но... есть лазейка.

– Вашу мать не лишили родительских прав?

– Нет, ваша честь.

– Но своих обязанностей по отношению к вам она не исполняла...

– Нет, ваша честь. Я могу представить свидетелей и доказательства сказанного мной.

Судья перевела взгляд на Прасковью Ивановну. И принялась трясти уже вредную тетку.

Свидетели антисоциального поведения Матильды? Есть? Предоставите? Отлично!

Свидетельства того, что она не заботилась о бабушке?

Доказательства принуждения?

Прасковья Ивановна искренне обещала все предоставить. Как – Матильда не знала, но мало ли?

Наконец судья закончила опрос.

– Суд удаляется на совещание.

И вышла.

Секретарша выставила всех из кабинета, и Матильда прислонилась к стене.

Усталость была чисто психологической. Мария-Элена помогала, как могла, но герцогесса никогда не была в такой ситуации. А Матильда нервничала и переживала, что не улучшало состояния девушек.

Бетон приятно охлаждал спину под тонкой тканью. Хорошо...

Прасковья Ивановна смотрела злыми глазами со скамейки.

– Думаешь, твоя взяла?

Матильда не отвечала. Она глубоко и размеренно дышала, насыщая кровь и мозг кислородом. Вдох – выдох, вдох – выдох...

Так-то лучше.

Главное – душевное спокойствие и уравновешенность.

* * *

Долго ждать не пришлось.

Пятнадцать минут судье хватило, чтобы «посоветаться», и присутствующих опять пригласили в кабинет.

Смысл судейской речи был в том, что сейчас дело закрыть нельзя. Так что следующее заседание состоится через месяц. Дата, время, повестки придут на ваш адрес. Позаботьтесь о свидетелях.

Мария-Элена скрипнула зубами и решила в ближайшее время написать ходатайство. Даже несколько. Пройти по соседям, поговорить с ними, зайти к врачам в поликлинику, ну и пообщаться со знакомыми юристами на предмет, как лучше разобраться с мамашей.

Алименты ей... ха! Три раза!

А повестки она и сама передаст, если вручить их «Почте России», свидетели дойдут до суда как раз к следующему году. Если повезет.

Результатом суда были недовольны обе. Хоть Параша, хоть Матильда. Матильде предстояла куча работы. А Параша осознала, что халявы не будет. Вообще.

Мария Ивановна видела документы у участкового, но в законах она разбиралась весьма посредственно. Для нее что договор ренты, что дарственная, что завешание – разницы она не видела. Потому-то Прасковья Ивановна и посчитала, что все можно будет переиграть. Оформили доверенность, кое-как проконсультировались с юристом, подали заявление в суд и решили, что все будет в порядке.

Оказалось – нет. Дело явно пойдет взятяг. Но это и к лучшему? Матильда живет все там же, можно будет на нее надавить или как-то воздействовать...

Матильда не собиралась этого дожидаться.

Она уверенно сбежала по лестнице, застучала каблучками... тетя Параша не смогла ее догнать. Возраст, вес, одышка...

– Сволочи! На алименты они подавать будут!

Матильда негодовала, и Мария-Элена ее отлично понимала.

Явилась тут... мамаша с кудыкиной горы! Шестнадцать лет ни слуху ни духу, а теперь любви ее! И ладно бы – просто любить, так еще и выражать свою любовь в денежном эквиваленте!

Собственно, это было единственным проблемным пунктом искового заявления. Остальные было легко отмести. Вызвать в суд свидетелей, чтобы те подтвердили чистую правду. Все подарено добровольно, бабушка Майя была в здравом уме и твердой памяти, когда так поступала...

Это несложно.

А вот как быть с алиментами?

Мать не лишали родительских прав... эх, бабуля, как же ты так оплошала? А доказать, что она – плохой родитель...

Это сложно.

Очень сложно.

– Почему?

– А как доказать, что она не присылала нам денег, к примеру?

– Она тоже не докажет обратного. – Мария-Элена уже познакомилась с выражением «презумпция невиновности», хотя и не пришла от него в восторг.

Как и от всей судебной системы в целом. Что это за суд, после которого убийц нельзя вешать, а ворье – пороть? Это неправильно!

– Допустим, я буду утверждать одно, Параша другое... ну да. Должны быть какие-то квитки с переводами. Хотя бы...

– Это как? – не поняла герцогесса.

Пришлось объяснять про банковскую систему.

– Хорошо. Значит, документов никаких нет.

– Но можно сказать, что передавали деньги из рук в руки, к примеру...

– Твоя бабушка мертва. Ты ничего подобного не помнишь, соседи тоже не в курсе...

Матильда вздохнула.

– У меня один ход. А у подлеца сорок восемь. Надо будет проконсультироваться с адвокатом.

– Нанимать будем?

– Не знаю... да, алименты... И как эта зараза инвалидность получила?

– Выглядит она плохо, – вспомнила герцогесса мать Матильды. – Может, поэтому?

– Черт ее знает. Но я все равно не сочувствую. Она меня бросила, уехала, а я должна ее любить? Не дождутся!

– И правильно. Твоя бабушка не хотела, чтобы ее дочь мешала тебе жить. Вот и не стесняйся. Себя надо уметь защищать...

– Марию-Элену Домбрийскую ли я слышу? – подколола Матильда.

В своем мире Мария-Элена все чаще предпочитала уступать руководство Матильде, а сама довольствовалась ролью наблюдателя. В мире Матильды ей было проще.

– С кем поведешься, – не смутилась герцогесса.

– Так тебе и надо, – подвела итог Матильда.

И девушки дружно рассмеялись, чувствуя, как отпускает внутреннее напряжение. Не так уж и страшно, когда суд?

* * *

Петюня в суд не пошел.

Ждал у входа, курил какую-то вонючую гадость, демонстрировал миру пузико в розовой рубашке. Мария-Элена обогнула его, как столб.

– Эй, ты чего?

Петюня успел перехватить девушку за локоть.

А в следующий миг...

– Руки. Убрал.

Мария-Элена не повысила голоса. Не стала ругаться, угрожать, сердиться.

Из серых глаз смотрела смерть. Скорая и мучительная.

Смерд! Посмел! Поднять руку! На герцогессу!

За такое вешали без суда и следствия, иногда за шею, а иногда и за ноги.

Толстые пальцы сами собой разжались.

– Ты... это...

Девушка развернулась – и удалилась с поля боя.

Убила бы! Но – нельзя.

Матильда пнула бы обнаглевшее быдло в коленку или, по-простому, ударила бы Петюню в челюсть, но и этого нельзя было делать. Суд рядом, Параша выйдет, увидит, что ее сыночка обидели, и пойдет такая вонь!!!

Тут и ходить далеко не надо, снять побои и подавать заявление.

Этого допустить нельзя. И слава богам, что Матильда пока не перехватывала управление телом, Мария-Элена могла и не успеть остановить сестру.

Сейчас же... Что там со временем?

Можно еще успеть на работу, мало ли что там накопилось. Да и успокоиться не помешает.

* * *

С успокоением Матильда крупно просчиталась.

Первой на работе ее встретила Лера.

– Явилась не запылилась! Ну и где ты шлялась?

Мария-Элена вскинула брови.

– Вопрос моего отсутствия был улажен с начальником.

При чем здесь – ты? Вслух она этого не сказала, но Лера и так все поняла. И окрысилась уже всерьез.

– Думаешь, самая умная? Пришла тут, крыса, задницей повертела...

Допускать развитие базарного скандала герцогесса не собиралась.

– Валерия, вы тушь где покупали?

– В «Цветке»... ты что – нарываешься?!

– Нет. Она осыпается, и под глазами получаются некрасивые темные разводы. Зеркало дать?

– Давай...

Прежде чем Валерия опомнилась, ей в руки сунули маленькое зеркальце – и проскользнули мимо. Ругаться было поздно.

Круг под одним глазом действительно имелся.

Валерия посплюнявила палец, стерла его и решительно направилась в приемную.

– Вот!

В несчастном зеркальце что-то хрустнуло, с такой силой его припечатали к столешнице. Мария-Элена спокойно открыла его, бросила беглый взгляд.

– Сочувствую. Разбитое зеркало – семь лет неудач.

Валерия опешила.

– А... я...

– Несчастья можно избежать, если закоптить осколки на церковной свече и в полночь закопать на кладбище, читая молитву Пресвятой Богородице, – тем же равнодушным тоном озвучила Мария-Элена. – Только это надо сделать в тот же день.

– Ты чего мне мозги пудришь?

Мария-Элена пожала плечами, сбрасывая зеркальце в мусорное ведро.

– Это не я. Это «Практическая магия» Папюса.

– Чего?

– Был такой француз. Жерар Анкосс... или испанец? Не важно! Он написал кучу трудов по магии и даже консультировал Николая Романова с семьей. Вот, у него есть рецепт. У него примерно четыреста книг по магии, так что...

Лера потрясла головой.

– Ты чего мне своим Папюсом голову морочишь! Ты мне скажи – ты чего в Давида вцепилась?

– А разве вам не Антон Владимирович нравится? – невинно уточнила Мария-Элена.

Мысли девицы ей были ясны как то самое зеркало.

Нравится, не нравится – деньги есть у обоих, кого получится подцепить, того и получится. И тут ей дорогу перебегают какая-то сопля! Да за такое убить мало!

– Твое какое дело?

– Никакого. Но я поделюсь с вами секретом.

– Каким?

– Я господину Асатиани не нужна.

– Врешь ты все, – фыркнула Лера, не понимая, что своей цели Малена как раз добилась. Скандал не состоится.

– Не вру. Все просто. Вы из хорошей семьи, красивая, умная, образованная, умеете себя подать в обществе...

Герцогесса откровенно издевалась, но Валерия этого не замечала, кивая головой на каждое ее слово. Все так и есть! А то ж! Точь-в-точь она!

– А я – наоборот. Родных нет, образования пока нет, выгляжу... на любителя.

Валерия кивала, как китайский болванчик. И мозгов у нее было столько же.

– Потому Давид меня и предпочел.

– ЧЕГО?!

– На вас же, если что, жениться придется. А на мне – не надо, – почти шепотом пояснила Мария-Элена, замечая, что огонек селектора опять горит. Подслушивает, гад... нет бы помочь!

В глазах Валерии появилось понимание.

– Ах вот оно что!

Ну да.

Если женщина недостаточно хороша – это один вопрос. А если она слишком хороша? Поверьте, реакция будет совершенно разная.

Лера не стала исключением из этого правила.

– И ты...

– А что у нас может быть серьезного? Если вокруг такие красавицы, как вы?

Валерия закивала. Ну да, все понятно...

– А жениться Давид не хочет?

– Говорит, что еще бы пару лет погулял... а жениться – вы себе представляете, как Давид Асатиани – может жениться на мне?

Валерия не представляла. Это было пропечатано на глупой мордашке сотым шрифтом.

– А ты почему на это согласилась?

Мария-Элена пожала плечами.

– Да именно потому. У меня ни связей, ни чего-то другого, а работать надо. И после получения диплома – тоже.

Вот такие, товарно-денежные отношения Валерии были весьма понятны. А Мария-Элена не испытывала ни малейших угрызений совести за разглашенную тайну.

Во-первых, с нее никто не брал слова хранить договор в тайне.

Во-вторых, кто поверит этой крашеной дуре? Решат, что она из зависти наговаривает...

В-третьих, проблемы будут потом, а драка могла быть уже сейчас. С Давидом ей не жить, а с Лерой работать еще какое-то время. Лучше уж отступить и сохранить нормальные отношения в коллективе... условно нормальные.

Вот Женя успокоилась, еще эта рыжая кошка успокоится – и будет счастье.

– А-а...

– Кофе вам сварить?

– Свари...

Валерия получила чашку американо и удалилась. А Матильду вызвал Антон.

– Явилась?

– Добрый день, Антон Владимирович.

– Я же тебя на весь день отпустил?

– Я освободилась и решила прийти на работу.

– Все нормально?

– Да, вполне. Благодарю вас...

Антону Мария-Элена сказала, что ей надо сходить в поликлинику, сдать анализы. Есть такое слово – диспансеризация. Антон кивнул и отпустил. На всякий случай – на весь день, а то наша бесплатная медицина чревата громадными очередями.

Освободилась и освободилась.

– Нам сейчас Испания на почту напишет. Договор мне напечатай, я посмотрю...

– Хорошо.

По глазам было видно, что Антону хочется сказать что-то еще, но выбранный герцогессой образ не располагал к откровенности. Училка, только что без очков.

Мужчина махнул рукой и отпустил секретаршу.

И день покатился по накатанной.

Кстати, к вечеру Мария-Элена обратила внимание, что разбившегося зеркальца в мусорном ведре не оказалось.

* * *

Дома Матильда почесала Бесю, погладила пушистый животик и отправилась к соседке.

Кошку пришлось взять с собой, а то протестовала она так, что на площадке слышно было. Что за неуважение к маленькой кошечке? Хозяйка прийти не успела, а уже уходит! Кошмар!!! Кош-мур-р-р-р...

Варвара Васильевна была дома.

Матильда поздоровалась и была тут же приглашена на чашку чая. Тетя Варя отлично знала, что просто так девушка не придет. Некогда ей по гостям расхаживать.

После обязательного ритуала – три глотка чая, похвала варенью и вопросы о здоровье – Варвара Васильевна перешла к делу.

– Что случилось?

Матильда тоже не стала крутить.

– Я сегодня была в суде.

– И?

– Моя мать хочет подать на алименты.

– Вот сука!

Ругалась Варвара Васильевна редко, но метко. Матильда кивнула в подтверждение тезиса.

– Значит, ребенка бросила, черт-те куда умотала, а теперь ей алименты? Дрянь!

– Это еще не все.

Краткий пересказ судебного заседания с цитированием статей занял примерно полчаса. Варвара Васильевна слушала, потом подвела итог:

– Я поговорю с соседями. Список сделаем, возьмешь на нас на всех повестки... вот ведь дрянь эта Параша! И чего она лезет?

Матильда фыркнула.

– Я же Петюню бортанула...

– Еще б ты с ним, – фыркнула Варвара Васильевна и замерла, осененная СТРАШНОЙ МЫСЛЮ. – А Параша хотела?

– Ага...

– Твари, – коротко резюмировала соседка.

– Это-то понятно. Но как дальше быть?

– С соседями я поговорю. И ты еще поговоришь. Пиши ходатайства в суд, возьмешь повестки, мы их всех в блин раскатаем! Алименты! Да она тебе должна платить! Бросить ребенка, пятнадцать лет не появляться, даже больше... ТЬФУ!

* * *

Вечером Матильда подводила итоги.

В суде побывала. Плюс. Дело не закрыто, надо еще побороться. Минус. Валерию нейтрализовали. Плюс. Надолго ли? Минус. С соседями поговорила. С частью. Плюс.

Теперь ход за Прасковьей Ивановной. И Матильда не сомневалась, что та молчать не будет. Такой уж человек.

А еще надо в субботу сходить к Сереже в гости.

И с Давидом она едет на выходных... как-то быстро события развиваются?

– Ну и пусть, – шепнула Малена. – Я на корабле, у меня ничего интересного не происходит, так что будешь развлекаться за двоих.

Матильда не возражала.

Спа-а-ать...

Беся мурлыкнула, сворачиваясь клубочком так, чтобы хозяйка могла сразу же ее погладить.

Кошка не должна спать в кровати? Имейте мужество, скажите это кошке.

Глава 2

Рид, маркиз Торнейский

Когда разведчики донесли, что войско противника находится в паре часов ходьбы, Рид даже испытал облегчение.

Страшен не враг, а *ожидание*.

– Где? Сколько?

Разведчик прищурился, что-то прикидывая...

– Их там тысяч пять. И мне кажется, кагана с ними нет.

– Почему?

– Конской головы нет...

Рид кивнул. Понял. Перевел взгляд на Грейвса, тот кивком подтвердил слова своего человека. Мол, так и есть, если сказали, то сказали правду и только правду. Ребята проверенные, врать не станут. И в символике разбираются.

Если в войске присутствовал каган, то обязательно был и символ Степи. Золотая (или золоченая?) конская голова в натуральную величину. Ее торжественно несли рядом со знаменами родов. Нет символа – нет и кагана.

– А чьи знамена?

– Голова лисы.

– Род Шаврех, – опознал Рид. – Ясно... Перестроиться в каре! И шагом марш – вперед!³ Что такое каре?

Квадрат, образованный живыми людьми. И эти люди маршируют плечом к плечу, двигаясь, как одно живое существо. В центре каре находятся орудия и обоз. Быстро таким образом не пошагаешь, а остаться на территории противника без продовольствия, без запаса самого необходимого, без кузнечного инструмента, без... Врагу не пожелаешь.

Люди идут в несколько шеренг. Пехотинец, который несет боковой щит. Копейщик с небольшим круглым щитом на руке. Пехотинец, несущий еще один щит – над головами соседей. Арбалетчик.

Левую колонну повел Шерс Астани, правую – Симон Ларсон. Люди Сашана Риваля заняли позиции спереди и сзади. Арбалетчики Аллеса Рангора действовали четко, и гвардейцы не отставали. Дядюшка Стив смотрел таким взглядом, что самые чванные быстро распределялись по местам, среди пехотинцев.

Не время знатностью меряться.

Люди Дарана и Эльтца что-то спешно натягивали на обозные телеги. Рид пригляделся – нечто вроде войлока, кожи, какая-то пропитка, от зажигательных стрел...

Это они правильно, это к месту.

Сами инженеры и обозники укрылись в телегах, как могли. Если степняки рядом, пользы от них будет немного – не вояки. Но на своем месте хороши.

Рид оценил построение хозяйским взглядом. Ну что – пока неплохо, идут ровно, строй держат, как оно окажется под обстрелом – пока неясно. Но это можно проверить только одним путем.

Тактику степняков они примерно знали. Оставалось ждать атаки.

Видимо, у степняков тоже была разведка, потому что не прошло и часа...

³ Возможно, в другом мире своя военная терминология, но я для удобства воспользуюсь нашей.

Два часа – пешему. А вот коннику, да на резвом коне, куда как сподручнее, так что и часа не прошло.

Дикий клич раздался внезапно.

– Аи-и-и-и-и-и!!!

И со всех сторон хлынула живая волна.

Как это выглядит? Когда степняков не просто много, их **ОЧЕНЬ** много, когда от стрел чернеет небо, когда они мчатся в строю прямо на тебя и готовы стоптать своими конями... Когда орут свой боевой клич, пусть вразнобой, но всем слышится в нем одно и то же слово.

«УМРИ!!!»

В Степи это так и выглядит. И откровенно наводит жуть на людей.

В Степи.

Аллодия же степью не являлась.

Холмы, перелески, леса, то, что называется – сильно пересеченная местность... По такой не погоняешь, конь без ног останется. И полноценной волны тоже не вышло. Так, брызги...

Степняки не могли применить свою излюбленную тактику – то есть засыпать Риду со всех сторон стрелами, потому что с одной стороны был лес – не поскачешь, с другой холм, дорога вилась достаточно прихотливо... неподходящее место для лихой кавалерийской атаки.

Стрелы, да...

Есть одна оговорка. И даже не одна.

Да, лучнику на выстрел требуется пять-шесть секунд, да, у степняков достаточно мощные луки, плюс они стреляли по ходу движения, то есть дальность выстрела увеличивалась примерно вдвое, и стрелы начинали бить с двухсот метров.

Деморализующее воздействие было громадным.

На вчерашних пахарей и крестьян, но не на королевскую гвардию и не на регулярную пехоту. Которой плевать было на визги и на стрелы.

Шлемы не из дрянного железа. Кольчуги. Щиты. И – движение.

Рид находился в центре каре. Ему надо было видеть, что происходит, надо командовать... с большим удовольствием он встал бы во вторую линию, но – нельзя. Командир в боях не участвует.

Сейчас он смотрел, сощурившись, на степняков, и ждал момента.

Какого?

Залп, второй, третий, стрелы скользят по движущемуся каре, а результатов нет. Люди не падают, не кричат, не паникуют, не бегут... движение – не останавливается.

Кое-какой урон стрелы степняков наносили, но не слишком серьезный. Царапины. Где-то стрела соскользнула, где-то чиркнула острым краем, и только уж вовсе невезучим, трем... или даже четверем понадобится помощь лекаря.

Рид ждал.

Степняки, видя, что враг чихать хотел на их потуги и крики, выхватили арканы. В общем-то, правильная тактика – выдернуть врага из строя, разбить колонну, а там уж делай с ней что хочешь... но кто сказал, что тактику удастся применить?

Это вам не вчерашние крестьяне. Это – гвардия.

Арбалет – оружие дорогое. А хороший арбалет, с запасом болтов, не по карману многим. Но не королю. В гвардии арбалеты были у каждого. А Стивен Варраст, наплевав на все заявления типа: «эскорт», «кортеж», «парадный выезд», настоял на полном вооружении. Кортеж там, не кортеж, а кольчугу не снимай. И сейчас это пригодилось.

Мощные арбалеты бьют медленнее лука. И с болтами было хуже, но в обозе имелась телега с запасом. Так что...

Рид ждал, пока степняки, с визгом раскручивая над головой арканы, подлетят на достаточно близкое расстояние. Вот-вот, каких-то метров сто осталось, сейчас...

Нападавшие уже видели эту картину в своих мечтах.

Вот взвиваются черными змеями арканы, вот вылетают, катятся по земле первые щитоносцы, вот бьют в бреши строя лучники, вот падают, обагривая своей кровью землю, воины врага...

Рид резко опустил руку.

И сигнальщик протрубил в рог.

Не кричать же, в самом деле? В горячке боя можно и не услышать, а вот так...

Щиты внешнего ряда чуть раздвинулись. Рид оценил выучку пехотинцев и мысленно поблагодарил Симона Равельского. Тот и правда не пожадничал, отдал лучших. Щиты раздвинулись ровно настолько, чтобы арбалетчики могли прицелиться. А больше и не надо, рычаги они взвели, как только степняки заорали. Чай, тетива не ослабнет, не успеет...

Залп был не по всадникам. По коням.

Простите, лошадки.

И стреляли одинаково неплохо и гвардейцы, и люди Рангора. Стрелы степняков хрустели под сапогами пехоты, а вот арбалетные болты били точно в цель. Хотя по такому числу мишеней и захочешь – не промажешь. Особенно если мишень летит прямо на тебя, что есть силы понукая хрипящего коня.

Риду было искренне жалко благородных животных, но это было самым удачным решением. Кони спотыкались и падали, а вот всадники...

Кто-то успел спрыгнуть. А кто-то и не успел.

Крики, хрипы... раненая лошадь кричит страшно. Страшнее человека. И слушать это больно.

Кони падали, скачущие сзади налетали на них, образовалась свалка. Второй залп довершил начатое.

Рид зло оскалился. Не зря он оставил всех коней в Равеле, спешил гвардию и наплевал на злобные шепотки за спиной. Где бы они сейчас оказались?

Коня от стрел не прикроешь, и раненые лошади вмиг бы разбили каре. Ладно еще обозные скотины, которые ко всему привычны, к ним и люди приставлены, и защищены они по полной. Там и попона из войлока, и кожа нашита, и металл кое-где... только всех коней так не прикроешь.

Третий выстрел.

Арбалетчики тоже отлично стреляли залпами, по сигналу рога. Степняки выигрывали количеством, арбалетчики – качеством. Четвертый выстрел окончательно расстроил налет степняков, заставив их откатиться живой волной назад. Пятого не последовало – нечего зря болты тратить.

Мерно зарокотал барабан – и каре опять двинулось вперед.

Рид хмыкнул.

Так-то вам. Привыкли крестьян угонять?

Так вам сейчас покажут, в чем отличие регулярного войска от разбойников-налетчиков. Объяснят на вашей вонючей степной шкуре и добавят прописи. На сколько их хватит, Рид не знал, но пока – идем?

Держимся...

– Продолжаем движение!

А что такого?

Налетели – и налетели, получили, откатились... не останавливаться же здесь на ночлег? Риду требовалось оттянуть на себя побольше врагов...

И кто бы сомневался, что это удастся?

Такую наглость ему кал-ран Мурсун спускать не собирался.

* * *

– Сыны шакала!!! Трусливые бабы!!!

Кал-ран Мурсун немного нервничал. И у кал-рана была причина.

Пять тысяч! И... сколько их там? Пятьсот человек?

Один к четырнадцати.

Один. К четырнадцати.

Казалось бы, что стоит налететь, смять, растоптать копытами коней наглецов.

Словосочетания «рельеф местности» кал-ран не знал. А то бы и его обматерил. Пять сотен человек водят за нос его доблестных воинов! Какой позор. А кстати, кто именно?..

Кал-ран бросил взгляд на кан-гара разведчиков.

– Кто это?

– Мой кал-ран, они идут без знамен. – Кан-гар поклонился, всем видом выражая, что он бы и рад, но как тут вывернешься? – Цвета Аллодии, знамя Аллодии, но личного знамени командира нет.

Мурсун скрипнул зубами.

– Твари! Атаковать! Атакуйте их со всех сторон, осыпайте стрелами, не давайте передышки!

Кан-ары переглянулись.

Что ж, в словах кал-рана есть истина. Однако...

Самым умным оказался кан-ар Савеш, молодой, но ранний, искренне обижающийся, что ему не досталось место Мурсуна.

– Мой кал-ран, наши луки не пробивают их щиты. А если мы подходим ближе, они отвечают залпами арбалетов.

Мурсун зарычал от злости.

– Возьмите лучших лучников! И пробейте их строй! Я не желаю слышать трусливых оправданий, я хочу видеть кровь врага!

Савеш прижал кулак к груди в знак повиновения. Но в черных глазах, глубоко запрятанное, читалось злорадство.

«Ты не справишься, Мурсун. И каган казнит тебя, а я займу место, которого достоин...»

Кал-ран читал эти мысли так же четко, как если бы Савеш произнес их вслух. И не сдержался.

– Если ты, кан-ар Савеш, через час не справишься с врагом, я сам казню тебя! Каган не успеет напиться твоей крови!

«Все равно ты раньше меня сдохнешь, кусок кизяка! – Савеш поклонился. – Я принесу тебе их головы, потому что я лучше тебя. И каган наградит меня».

Кал-ран и кан-ар обменялись ненавидящими взглядами, потом Савеш повторно бросил к груди кулак, глядя на кал-рана, мол, твоя воля, – и отправился исполнять приказ.

* * *

– Может, стоит поднять все знамена?

– Чем тебя не устраивает знамя Аллодии?

Свое Рид пока не поднимал. Ни к чему. А вот знамя Аллодии... вы пришли на нашу землю, вас бьют ее хозяева. Это во-первых.

А во-вторых, как только Рид поднимет свое знамя, по его следу кинутся все степняки. Слишком уж оно приметное, другого такого нет. По забавной иронии судьбы, на знамени мар-киза, которого степняки звали Черным Волком, был изображен – заяц.

Белый и пушистый, на голубом поле⁴.

Как и многие другие звери, на герб заяц запрыгнул случайно.

Давным-давно, когда первый из Торнейских только основал свой род, у него хватало недоброжелателей.

Ехал маркиз однажды по лесу, на дорогу выскочил заяц, ошалел, встал столбиком, маркиз нагнулся, чтобы подхватить его, – и аккурат над головой мужчины свистнула стрела.

Две секунды.

Ровно две секунды, которые определили – смерть или жизнь.

Убийцу поймали, заговор размотали, а зайца Торнейский поместил на свой герб, да там и оставил в назидание потомкам. Король посмеялся, да и разрешил. Даже на геральдическую коллегия цыкнул.

Таких оригиналов имелось очень мало, в основном, зайцы встречались в гербах городов (если водились в изобилии в окрестностях города), иногда помещали в герб кроличью голову, но Торнейские были вне конкуренции.

Степняки не перепутают. Никто еще не путал.

Стивен Варраст пожал плечами.

– Вроде бы, наша задача – увести степняков за собой?

– Мы этого и так добились. Пока что они идут за нами.

Спорить было сложно.

С визгом и воем накатывала вторая волна степняков.

* * *

Вот в такие минуты и оцениваешь выучку людей.

Никто не дрогнул. Никто не заметался. Никто...

Сотни Риваля, Астани и Ларсона действовали, как единый механизм. Ничего лишнего, никаких волнений.

Стреляют? И шервуль с ними, пусть стреляют. Зажигательные стрелы полетели? Неприятно, конечно, но ведь не смертельно! А еще у зажигательной стрелы точность меньше и дальность – тоже. А потому – идем. Спокойно так, словно и нет рядом никаких степняков. Рано или поздно они потеряют терпение...

Рано.

Рид пригляделся, заметил Савеша, который выделялся алой шапкой, и кивнул на него Стивену. Варраст тоже взгляделся – и принялся отдавать команды.

Будь Савеш поопытнее, поумнее, постарше, атака не кончилась бы столь печально. Но, видя, что все усилия его отряда, пропадают даром, Савеш решил атаковать.

И сам возглавил атаку.

Разве могут устоять эти шакалы против настоящего воина? Что они – пыль под копытами его коня!

Шакалы были другого мнения.

В каждой сотне есть несколько хороших лучников. Замечательных...

Первая стрела прервала бег коня Савеша. Вторая, свистнув – два лучника шикарно работают в паре, – оборвала молодую жизнь кан-ара.

Какая разница, по кому бить?

По степняку, по зайцу... степняк даже удобнее – крупнее будет.

Степняки смешались.

⁴ Реально встречающееся и в нашей геральдике изображение. Символизирует чуткость, изобилие и бесстрашие, иногда на гербах изображается только заячья голова.

Они привыкли к другому. Они налетали, грабили, жгли... они *не сражались*, как регулярная армия. А вот люди Равельского именно так и тренировались.

Что окажется лучше?

Благородная ярость атаки – или холодная рассудочная выучка?

Пока выигрывала вторая. Степняки налетали справа и слева, пытались укусить – и отходили. Налететь всей оравой и сразу им мешал рельеф местности, сильно мешал. Чего стоил только один перелесок – такие молодые деревца и кустарники.

Красиво?

Смотреть-то да, а вот пройти там уже сложнее. А проскакать на лошади – вообще не получится. Только шагом, чтобы не распороть шкуру о сучки или не сломать коню ногу в яме.

Колонны шли.

Арбалетчики время от времени отстреливались, экономно расходуя болты.

Щитonosцы менялись, и движение продолжалось. Медленно, уверенно...

Баллисты пока применить не удалось, но то ж пока...

Чего стоил Риду этот марш, знал только сам маркиз Торнейский. Сколько у него появилось седых волос... какая разница?

* * *

– Ваше сиятельство, – Роман Ифринский сверкал горящими глазами. Мальчишку бой только вдохновлял... – Разрешите вылазку?

Рид покачал головой.

– Куда?

– А вдруг удастся кого захватить?

Кого?

И главное – зачем?

Что могут знать рядовые чикан? Да почти ничего...

Дакан? Тоже сомнительно.

Кан-ар или кан-гар, кал-ран, безусловно, знают многое, но до них еще доберись. Не лезут они под стрелы, осторожничают.

Сильнопересеченная местность не давала степнякам в полной мере использовать свои преимущества, но это против пехотного каре. А стоит кому-то выйти из-под прикрытия...

Что Рид и высказал.

– Коней поймает, – настаивал Ифринский.

Ага. Чужого, испуганного коня.

Коня степняка... Который с малолетства растил жеребца, кормил, поил, не доверял чужим рукам... такая тварь кусается не хуже собаки. Это тебе не лошади из дворцовых конюшен, которых пришлось оставить в Равеле. Эта тварь всю руку оторвет...

Рид отмахнулся, показывая, что идея глупая. Не потому, что Ифринским подана, нет. Просто Роман отродясь на границе не был и живого степняка сегодня впервые увидел. Не знает он про их повадки, про их коней... ничего не знает, вот и лезет по-глупому вперед. А терять мальчишку тоже не хочется, он хороший воин, неглуп, может пригодиться.

Как назло, Ифринский не успокаивался.

– Ну хоть ночью? Ваше сиятельство?

Рид покачал головой.

– Посмотрим, где удастся встать.

– А нам удастся?

– Степняки ночью драться не будут. Подождут подкрепления. Но спать придется по очереди.

– Так мы б и...

– Я подумаю.

Роман попытался сказать что-то еще, но Рид вовсе уж решительно отослал его.

Много у сопляка энергии? Пусть щит потаскает, ему полезно! Гвардейцы щиты несли вместе с остальными, и плевать им было на дворянское происхождение. На то, что щитами они закрывают простолюдинов.

Тут закон иной. Не закроешь идущего рядом – оба ляжете. Это граница, а не красивые парады. Это жизнь и смерть. Это война.

* * *

Кал-ран Мурсун был не то чтобы в гневе, нет. Гнев уже перегорел, уже переплавился в нечто другое. В желание смерти негодяям, которые шли, словно издеваясь над ним.

Шли, не падая, не боясь ни конницы, ни ран...

Конница эффективна против пехоты, никто не спорит. Но в других условиях. Совсем в других. Она должна налететь, смять, стоптать... не получалось.

Стрелы не помогали. Наоборот, под обстрелом падали его люди, падали его кони, а что мог сделать Мурсун?

Спустить всадников и попробовать сделать из них пехоту? Смешно! Их просто стопчут.

Устроить засаду? Мурсун уже разослал разведчиков, искать подходящее место.

Тревожить, выматывать, не давать покоя... Вот это Мурсун мог. Не конницей, нет, но обстрелом. Вылазками...

Мурсун махнул рукой, отдавая новые команды.

Колонну сопровождать, тревожить стрелами издали, проследить, где они встанут на ночлег и куда движутся. Там разберемся. Людей гробить больше не будем, хотя за Савеша...

Да, пожалуй, за Савеша он даже позволит командиру отряда умереть без мучений. Почти...

Хоть что-то хорошее эти твари сделали.

* * *

Когда натиск степняков ослаб, Рид вздохнул с облегчением. В своих людей он уже поверил, но...

Стивен Варраст протиснулся к воспитаннику.

– Что скажешь?

– Далеко они не уйдут, будут налетать, будут кусать, может, попробуют что-то предпринять ночью...

– Я поговорил с Грейвсом. Можем ночью выслать людей, авось кого и удастся схватить.

Рид подумал пару минут.

– А его люди смогут?

– Грейвс клянется, что не первый раз языка брать будут. У него в десятке и охотники есть, привыкли зверя скрадывать, справятся.

Рид пожал плечами.

– Пусть попробуют. Но я хочу их видеть. Пусть Грейвс мне их пришлет, перед тем как идти.

– Как скажешь. На ночлег когда останавливаться будем?

– Думаю, часа через два. Надо найти подходящее место, чтобы вода была рядом...

Стивен кивнул.

– Мы смещаемся к востоку. Зачем?

Рид шкодно улыбнулся.

– Я тут подумал... нам надо направляться к До-рану.

– Куда?

– Крепость Доран, – усмехнулся Рид.

– Почему именно туда?

– Там граница с Саларином, более болотистая местность, и вообще. Пусть степняки идут за нами, а не мы за ними.

– А они пойдут?

– Если разобьем их авангард? Безусловно!

Стивен покачал головой.

– Знаешь, я к такому не готов. Староват я для подвигов.

– Зато героем станешь.

Стивен фыркнул. Становиться героем он совершенно не собирался. Но и бросить мальчишку, которого сам же учил?

Никогда!

А что мальчишка вымахал и стал сильнее учителя, так это пустяки. Все равно мальчишка. Вот и улыбка на губах, и задорные искры в карих глазах...

Риду нравится эта игра со смертью. Но...

– У тебя на границе так же?

– Нет. Там иначе... но враг – один и тот же, а знакомый враг – уже половинка опасности.

Стивен развернул карту.

Нельзя сказать, что это был шедевр картографии, но кое-какое представление о местности рисунок на тонком куске кожи все же давал.

– По идее, впереди должен быть приток Интары – Безымянка. Может, там и остановимся?

– Смотря сколько до нее идти.

На это карта ответить не могла. Стивен тоже.

– Тогда идем прямо, – принял решение Рид. – Разведчиков бы выслать, но это потом, ночью...

* * *

Кал-ран Мурсун разведчиков уже выслал. В том направлении, куда двигалось каре. Мало ли? Вдруг там поле есть? Или еще какая подходящая местность?

Но пока ответы были неутешительны. Перелески, холмы, кое-где овраги... атаковать, налетев и смяв, просто не получится. А все остальное... остается только ожидать.

Все равно вы мне попадетесь, твари...

Кагану Мурсун пока донесений не отправлял. Не стоит...

Одно дело, когда ты пишешь, что наткнулись на отряд противника, уничтожили его, продолжаем выполнять поставленную задачу. Другое – что наткнулись на отряд противника, который чихать на нас хотел. И успешно огрызается. Потери есть, побед не видно...

За такое каган голову снимет...

Но доложить-то надо...

Мурсун подумал немного и решил отправить гонца на рассвете. Посмотрим, что за ночь изменится.

Кстати, хорошо бы и место для ночлега подыскать... какое? Да с водой! Для коней нужна вода, много воды...

Так что приток Интары Мурсун обнаружил раньше Рида.

Шарлиз Ролейнская

Шарлиз не теряла времени зря.

Каган вызывал ее к себе вот уже вторую ночь подряд и пользовался как хотел. И женщина всерьез опасалась беременности.

Чем ей это грозит?

Что ее ждет?

При всей взбалмошности и шлюховатости Шарлиз была дочерью Элги Ролейнской, дочерью женщины, которая не просто привлекла королевское внимание, но и успешно удерживала его более двадцати лет. Просто Шарлиз не приходилось, как матери, добиваться всего самостоятельно, вот и не проявлялись все ее способности. А в неблагоприятной среде не извернешься – не выживешь. И для начала Шарлиз решила выяснить, чего от нее могут ожидать.

Прислужницы не подходили. Среди них одна из десяти говорила не на степном диалекте, да и то – с жутким акцентом. А Шарлиз вообще понимала одно слово из пяти. Так не поговоришь...

Оставалась Бурсай.

Старуха была надменной, наглой, и вообще дома Шарлиз приказала бы дать мерзавке плетей и спустить собак, чтобы та быстрее бежала со двора, но здесь...

Большую часть драгоценностей с принцессы сняли еще на галере, но браслеты не заметили под пышными рукавами платья. Да и не обыскивали особо тщательно, понимали ее статус. А прислужницы, не имея указаний, не стали их присваивать – вдруг чужеземка завоюет благосклонность кагана? Отольется им тогда воровство...

Поэтому свои браслеты Шарлиз нашла в шкатулке, и сейчас со вздохом взяла один из них – золотой, с мелким жемчугом.

Ах, как не хотелось с ним расставаться! По мнению Шарлиз, старухе и приказа должно было хватить, но... вдруг заартачится? Или наврет? Пусть лучше чувствует свою выгоду, работать охотнее будет.

И женщина отправилась на поклон к старой ведьме.

Бурсай была занята. Сидела, тщательно растирала в ступке нечто приятно пахнущее... странно, что у нее – прислужниц нет? Но мало ли?

Шарлиз коснулась плеча старой женщины.

– Чего тебе?

Головы от работы Бурсай не поднимала. Это ведь ее дело, чтобы каган был доволен своими женщинами, а в походе все намного сложнее. Главное достоинство женщины – кожа, она должна сиять, светиться, быть почти прозрачной, чтобы каждую жилочку видеть, а этого без специальной пасты не добьешься. Но кому ж можно доверить такое сложное дело?

– Я вам подарок принесла, – умильно пропела Шарлиз. – За вашу заботу, за помощь...

Браслет опустился на столик перед старой каргой. Бурсай прищурилась, но подарок оценила. Секунда – и безделушка исчезла в складках черного платья.

– Благодарствую. А взамен чего хочешь?

– Просить неловко, вы и так столько для меня сделали, – замела хвостом Шарлиз...

– Дело мое такое – о девушках заботиться, – поддержала игру Бурсай. Все это она не раз видела, и Шарлиз тоже насквозь видела, но...

Что ей нужно, этой чужеземке?

Как оказалось, Шарлиз была неоригинальна. Те женщины, которые родились в Степи, знали и традиции и обычаи, были покорны и не доставляли хлопот. С иноземками же были постоянные проблемы. С кем-то больше, с кем-то меньше... с этой, кажется, и вообще не будет.

Каган ею пока доволен, уж Бурсай-то может это понять. А раз так...

Что бы не поговорить? Не просветить чужеземку по поводу ее роли в гареме кагана? Пусть знает заранее и не облизывается на чужую сметану.

Хотя все равно будет, кошка блудливая. Но тогда пусть не плачется... Предупреждали же...

Бурсай указала женщине на место напротив и продолжила растирать мазь в ступке.

– Налей себе взвара, если хочешь.

Шарлиз не хотела, но взвар в чашку плеснула, пригубила и даже изобразила восторг. И кусочком сладости не побрезговала...

Бурсай тем временем принялась просвещать Ролейнскую.

Сколько жен может иметь каган?

Троих. Так – троих. Но это жены, это те, кто подарил ему сыновей. Те, кто не по разу доказал свою плодовитость и удостоился великой чести. Пока у Хурмаха есть одна жена, Ильсар, от которой у кагана двое сыновей и дочь. Пока – одна.

Все остальные женщины в его жизни проходящи. Практически все.

Наложницы, да...

У кагана самый большой гарем, и иногда, за верную службу, он награждает девушками из него своих воинов. Это плохо для девушек, потому что каган богаче воина. К подарку господина отнесутся с уважением, но надолго ли? Кто там проверять будет...

Девушки в гареме делятся на несколько категорий.

Первая – *сит* – девушки, которые ни разу не удостоились приглашения в постель к господину. Если девушка живет в гареме больше двух лет и ее ни разу не выбирают, из наложниц она быстро переходит в прислужницы. А то и в подарок для кого-нибудь.

Вторая – *ситан* – девушки, которых каган несколько раз, но приглашал на ночь к себе. От *сит* они отличаются мало. Разве что сроком – три года, не два. Если за три года с последнего приглашения каган не обратит на них внимания...

Да, прислужницы. Но лучше, чем пустоцвет, а там и замуж их могут выдать...

Не важно, что пару раз попользованных, есть среди степняков и те, кто победнее, кто не упустит случая получить красивую и умную жену, обученную в гареме кагана.

– Обученную? – удивилась Шарлиз.

– А ты думаешь, в гареме целыми днями на подушках лежат?

Шарлиз вообще о гареме не думала, хотя завести себе мужской и согласилась бы.

Как оказалось, в гареме женщины делом заняты. А то куча ленивых баб – это плохо. Это уже подготовка к бунту...

Женщин учили шить, вышивать, готовить, причем и кулинарным рецептам, и косметическим, учили садоводству, музыке, танцам, песням... Шарлиз это тоже предстояло. И ее замечание, что она обучена, ничего не поменяло. Бурсай справедливо заметила, что в ее талантах надо сначала убедиться, а потом уж...

Шарлиз пожала плечами. Пусть убеждаются. Элга не могла повлиять на блудливость своей дочери, но образование принцесса получила. Лучшее, что можно было. Хотя часть учителей дополнили коллекцию воспоминаний юной тогда Шарлиз вовсе не в науках.

Третья ступень, на которой сейчас стояла и сама Шарлиз – *синара*. Женщина, удостоенная внимания кагана, но не родившая ему детей, а потому уязвимая. Рожать не хотелось, но...

Четвертая ступенька в гареме – *ассина*. Женщина, которая родила кагану одного или нескольких детей. От таких не избавляются никогда, даже если жизнь ребенка унесет болезнь или несчастный случай. Таких в гареме пока шесть штук. Хурмах плодит, как и положено кагану, да и кто бы выбрал бессильного? У него четыре сына и семь дочерей.

Шарлиз скрипнула зубами.

Да, при таком раскладе...

Либо рожать и рожать, чтобы с кем-то сравняться, но это порочный путь. Бурсай про-светила, что у степняков не принято трогать женщину в тягости, это дурная примета. Да и скинуть может.

То есть забеременела – и семь, в лучшем случае пять месяцев... нет, больше, не сразу же после родов тебя позовут обратно, да и роды по-разному сказываются на женщинах... Одним словом – год ты не попадаешь в постель к кагану. А за это время сколько других там окажется?

Ох, грустно. Забудут – и останешься ты навек при ребенке, который тебе и даром не нужен.

А вот жениться... что-то подсказывало Шарлиз, что жениться на ней каган не собирается. Иначе не вел бы себя... так. Нет, не вел бы.

Как насильник, как человек, которому плевать на ее чувства.

Так что надо думать о собственном спасении. И Шарлиз заговорила о выкупе. Может, бывало такое?

Бурсай покачала головой.

– Выкуп – для *сит* или *ситана*. Продать *синара* – это позор.

Шарлиз скрипнула зубами.

– А отдать при заключении мирного договора?

Бурсай вновь покачала головой.

– Ты уверена, что захочешь назад?

Шарлиз дар речи потеряла.

Уверена ли она? Что хочет домой? А кто бы сомневался!!!

Старуха прочла все на лице принцессы и горестно вздохнула.

– А что тебя там ждет? Теперь, когда ты побывала в постели господина? В любом случае тебя не отдадут, пока не убедятся, что ты не понесла, это с полгода. А то и больше. И все будут знать, почему ты здесь, и сплетничать, и разговаривать, и осуждать...

Об этом Шарлиз пока не думала. Ей казалось, что стоит вернуться домой, и все кончится. Но если...

Сплетничать будут. Всегда. На чужой роток не повесишь замок. И о матери говорили, и о Шарлиз, но... подстилка в юрте степняка?

Брр...

Это принцессе не понравилось.

С другой стороны, дома и стены помогают. Замуж выйдет, а там и новые скандалы раз-разятся, рано или поздно про нее забудут.

Бурсай спорить не стала. Сказала, что все зависит от воли кагана, и посоветовала ста-раться, чтобы он был доволен. Может, тогда и согласится...

Вот в этом Шарлиз сомневалась. Но... вилка? Не было на Ромее шахмат, вот и не знали термина. А принцип тот же.

Будешь слишком хорошо ублажать – не отпустит. Такая корова нужна самому.

Будешь плохо ублажать – тоже не отпустят. Не стараешься, вот и не заслужила хозяйского благоволения.

И где выход?

Впрочем, в себе Шарлиз не сомневалась. Чего-чего, а идей у нее хватит. Чтобы она не смогла переиграть грязных, вонючих и немытых степняков? Смешно! Попросту смешно!

Конечно, она что-нибудь придумает. И домой вернется, и замуж выйдет... Все у нее будет хорошо. А пока – каган.

Да, этой ночью Шарлиз опять предстояло идти к Хурмаху. Хотя болело не только тут, но и там, и здесь, и даже где-то еще. Даже у нее, привычной к подобным утехам.

Ладно. Рано или поздно Хурмаху надоест просто спать с ней, и он захочет поговорить. А там уж женщина своего не упустит. Там уж она расстается, навешает мужчине на уши водорослей. Да столько, что в них кто хочешь запутается.

Она же дочь Элги Ролейнской и его величества Самдия. Она справится с любым степняком. Вот!

* * *

На ночлег Рид остановил свое войско на симпатичном холме.

Местность очень удачная: с одной стороны речка с илистым берегом, хоть и не совсем рядом, но подойти к ней можно, с другой – еще один холм, покрытый кустарником, правда, две остальные стороны свободны, но зато не зажмут. И атаковать вверх по склону коннице неудобно.

Минус – к реке надо ходить.

Плюс – незамеченным к ним никто не подберется. Но люди Дарана и Эльтца, которые не участвовали в боевых действиях, тут же взялись за работу.

Даран принялся доставать и устанавливать баллисты. Хотя бы две штуки, чтобы смотрели по наиболее вероятным направлениям атаки.

Эльтц, которому объяснили задачу, принялся укреплять оборону холма. А именно – копать канавы. Прodelать хотя бы несколько штук, замаскировать, свои знать будут, а чужим тут и делать нечего. Опять же, ловушки надо устроить...

Кто сказал, что на ловушки надо время и силы? Возьми десяток-другой колышков, заостренных с одной стороны, намажь их чем-нибудь вроде навоза и вкопай в землю. В траве, так, чтобы не заметили. Любой, кто наступит, лишится ноги, а армия лишится воина.

Двое обозников прекрасно справились с этой задачей.

Впрочем, остальные бойцы тоже без дела не сидели. Надо было устроить ночлег, сходить за водой, приготовить еду... да много дел найдется на привале. Рид не позволил отлынивать даже гвардейцам, хотя отдельные личности и были недовольны. Им бы геройства, а тут...

Ведро в руки и воду таскать!

А где красота подвига? Где вдохновение битвы, я вас спрашиваю?

Стивен Варраст с такими симптомами был отлично знаком, а потому воспитательной речью в его исполнении заинтересовался даже Эльтц. Хотя обозники обычно сами поучить могут... правильному обращению.

Спесь на войне – роскошь непозволительная, а потому... Не по чину тебе воду таскать? Позаботься о раненых или похорони мертвых. Бегом! МАРШ!!!

Протест был подавлен в зародыше, и работа закипела. Пока степняки не подошли, они быстро стимулируют...

Часа через три, когда лагерь был обустроен, а вдаль показались степняки, Рид собрал военный совет.

* * *

Состав не поменялся. Те же девять человек, тот же тесный круг.

Первым слово предоставили Лансу Дарану. Инженер отчитался быстро: баллисты установлены, еще пару можно поставить в любой момент.

Рид кивнул и распорядился ставить. Но не ночью, а тогда уж с утра.

– Мы тут надолго? – уточнил Стивен.

– Думаю, на пару дней, – честно признался Рид. И, получив восемь удивленных взглядов, принялся объяснять. – Сколько у нас раненых? По колоннам? Сколько погибших?

– Шесть убитых, двенадцать раненых, два из них тяжело, у остальных царапины, – отчитался Сашан Риваль.

– Пятеро убито, девятнадцать ранено, тяжелых – пятеро. – Шерс не отстал от соперника-друга.

– Семь убитых, пять раненых, тяжелых нет... уже умер. – Ларсон тоже был в курсе дел в своей сотне.

– Стивен?

– Три убитых, у остальных царапины. – Стивен был лаконичен. Потери у гвардейцев были меньше за счет качественных доспехов, все же столичная экипировка. Плюс они в основном щиты держали. Просто потому, что в колонне ходить не могли. Не умели.

Аллес Рангор кашлянул.

– У меня девять человек. И раненых почти столько же... поправятся, но хорошо бы чуток отдохнуть.

– Даран? Эльтц?

Инженеры и обозники не пострадали.

– Грейвс?

– Мои пока все целы. Так, царапины.

– Итого тридцать человек у нас убито, сорок пять ранено. Результат отличный, но людям нужен отдых... выдержат они еще день марша?

Выдержат, но какой ценой?

Этот вопрос был написан на лицах всех сотников. Рид развел руками.

– Тогда пара дней передышки. Эльтц, Даран, обеспечьте нам более-менее свободный проход к воде и защите, если попрут с двух сторон. Сможете?

Инженер задумался.

– Ваше сиятельство...

– В боевой обстановке – Торн. Не стоит тратить время на титулы.

– Гхм... сложно сказать. Тот берег речушки мы заблокировать не сможем, как и выше по течению. Если степняки захотят, они смогут обстреливать нас с того берега, за каждым ведром воды будем под щитами бегать.

– М-да... Все равно вряд ли мы так, навскидку, найдем место получше.

С этим все были согласны.

– Обеспечьте что сможете, – подвел итог Рид. – Эльтц, позаботьтесь о раненых. Что с мертвыми?

– Хороним, ваше си... Торн, – осекся обозник. – Не бросать же было на потраву степнякам?

Конечно, нет...

За щитами почти не видно, если кто-то упал, пошатнулся, осел на землю, есть возможность переправить его на телеги, в обоз...

Если бы мертвых оказалось слишком много, дело другое. Но с этим количеством Эльтц справился, честь ему и хвала.

– На вас обустройство лагеря. Указаний давать не стану, со своей работой вы знакомы, вижу.

Эльтц поклонился.

Обозников редко ставят наравне с воинами. Те кровь проливают, а эти... тележники, колесники, хомяки, жуки, мешки... Каких только презрительных прозвищ не дают обозникам. А ведь без них не повоюешь. Нет, не повоюешь без перевязки, без припасов, без стрел, без...

Много ли увезешь на заводной лошади?

Много ли сделаешь без помощи?

В хорошем отряде всяк свою задачу знает...

– Я вышлю людей? – Станс смотрел чуть сощуренными глазами прямо в глаза Риду. Цепко, умно... что он понимает? О чем догадывается? – Пусть возьмут пару «колокольчиков», поболтаем.

– Делай, – кивнул Рид. – Покажешь, кто пойдет.

– Позвать?

– Минут через десять. В общем, задача проста. Стоим пару дней, потом идем маршем в сторону Дорана.

– Почему туда, Торн? – Сашан Риваль явно не привык общаться с благородными, но промолчать не мог.

Рид развел руками.

– Наша задача – стянуть на себя силы противника. Не мы должны за ним бегать, а он за нами. А если мы к нему в пасть пойдем, то какой интерес? Нас перемелют, на Равель двинутся...

Сашан медленно опустил голову. Подумал.

– Завтра будет шторм, Торн?

– Безусловно. И наша задача – выстоять. Место удобное, стрелять по склону, атаковать по склону – степнякам не понравится.

Вот с этим все были согласны. Но выстоять...

За сегодня тридцать убитых. И раненых сколько. И сколько будет...

Но...

Всё они понимали, эти работники войны. И что шли умирать, и что Рид тоже уцелеть не надеется, и что больше степняков на них оттянется – меньше для Равеля останется... А значит – стоим. Насмерть. Отступить некуда, позади – родная земля. А смерть...

Солдаты тоже все понимали. Еще тогда, когда Рид вызывал добровольцев. Всё знали и уцелеть особо не надеялись.

– Будем стоять, Торн. – Сашан поднял голову, посмотрел прямо и спокойно. – Будем стоять сколько понадобится. День, два...

Рид молча прикрыл веки.

Сколько – понадобится? Сколько времени нужно тому же Иллойскому, чтобы прийти с подмогой? Десять дней? Двадцать?

Каждый день уменьшает их шансы на жизнь. Каждая минута. Они – смертники.

Но пока они еще живы.

Торжественность момента испортил шум в лагере. Совет переглянулся, и Стивен направился в ту сторону. Послышалась ругань, звук зуботычины, и все стихло.

– Что? – коротко поинтересовался Рид, когда Стивен вернулся такой же ленивой походкой.

– Два идиота...

Рид кивнул. В любых, самых боевых условиях, найдутся дураки, которые повздорят... да хоть бы и из-за формы ушей. Или цвета неба.

И лучшее лекарство для таких – лопата. Нужники там еще не выкопали? Временные? Не в кустах же гадить...

Стивен полагал точно так же. А потому оба героя получили по затрещине и отправились помогать похоронной команде. Все же тридцать человек зарыть – сложно, кто не верит – пусть сам попробует хоть раз вырыть такую яму. А нечего тут...

Выживете – тогда и выясняйте отношения. А сейчас-то чего?

* * *

Кал-ран Мурсун тоже держал совет. И у него были намного менее утешительные новости.

Против тридцати убитых у противника (о чем кал-ран не знал) он потерял почти четыреста человек убитыми и почти столько же ранеными. Жуткая цифра?

Вовсе нет.

Не стоит забывать, что арбалетчики Рангора старались выбить коней, а на скорости, да когда позади еще мчатся другие...

Кого-то настиг арбалетный болт.

Кого-то – конские копыта.

Нападая, по привычке, толпой, степняки нанесли себе больше вреда, чем это мог бы сделать Рид со всем своим отрядом. Погиб кан-ар Савеш, два кангара, а простых чикан и дакан – кто их там считал? Пф-ф-ф... навоз конский! И все равно каган за такое по головке не погладит.

Выход один – победить. Вот и слушал Мурсун сейчас доклад кан-гара разведчиков.

– Мой кал-ран, аллодийцы остановились на холме, неподалеку от реки.

Мурсун задумался.

– Ночью мы их атаковать не сможем. Разве что обстреливать... распорядись, Шурвех...

Кан-гар Шурвех приложил кулак к сердцу, в знак повиновения. Обстреливать? Как скажете, кал-ран. И не будет Шурвех напоминать о том, что ночь, холм... зажигалками постреляем. Пусть враги покоя не знают...

– Что значит – неподалеку от реки?

– Не на берегу, но рядом. Может быть, один полет стрелы, полтора... – задумался кан-гар.

– Переправь людей на другой берег. Лишим их воды, – ухмыльнулся Мурсун.

Много ли без воды навоюешь? Когда раненые, когда жара и пить хочется...

Остальные приказы были просты.

Позаботиться о раненых, похоронить мертвых... хоть как-то. На рассвете – штурм вражеского лагеря.

Рида ждала беспокойная ночь и бурное утро.

Глава 3

Матильда Домашкина

И ночь, и утро у девушек выдались спокойными. Ровно до прибытия на работу Антона Владимировича Великолепного.

Шеф был чернее ночи. Он опоздал на два часа и выглядел злым как черт.

Дверь в приемную он тоже закрыть не потрудился. Зато кулаком по столу Матильды треснул, Малена едва успела перехватить управление, прежде чем подруга рывкнула на полконторы, какого черта тут происходит.

А собственно, и правда? Какого шервуля?

Но озвучить свой вопрос девушка не успела. Антон высказался сам.

– Зараза ты! Бессовестная! Я по твоей милости полночи в отделении проторчал!

Малена открыла рот.

Закрыла его, понимая, что ничего умного не произнесет. И вопросительно посмотрела на шефа, сделав невинные глазки. Почти Беськины. Мол, виновата ли я? Может, и виновата, но хоть в чем? А может, это и не я виновата?

Подействовало плохо.

– Ты что вчера Лерке наплела?

Малена принялась вспоминать их разговор.

Да ничего такого не было, про Давида разговаривали... интересно, она что – попыталась взять его штурмом? Влезла по веревке в окно и хотела изнасиловать? А Давид сопротивляться начал?

Вслух эту версию девушка, понятно, не озвучила.

– Мы разговаривали о мужчинах. Простите, это личное.

– Только о мужчинах? – прищурился Антон.

– Д-да... вроде бы.

– А о зеркалах?

Малена вторично открыла рот. И так же вторично его закрыла, лихорадочно припоминая, что она там несла.

Про Папюса, семь лет несчастий и ночь на кладбище.

Причем ритуал, будем честны, она мгновенно скомпилировала из обрывков оккультных знаний, которые нашлись в голове Матильды. Бабушка Майя в свое время прочитала аж целых пять или шесть книжек по этой теме, покачала головой и подсунула внучке. Со строгим наказом – не участвовать в лохотронах. Вот, как услышишь нечто подобное, так и шли товарища лесом. Или полем...

Матильда честно прочитала, поинтересовалась, нет ли там крупниц правды, и получила честный ответ. В каждой книжке по крупнице, собрать на кастрюльку – жизни не хватит, а значит, и заниматься этим не стоит. И верить отдельным подозрительным личностям – тоже.

Так что сочинить историю ей ничего не стоило. Но...

– Она – поверила?!

И лицо у девушки было таким изумленным, что Антон только рукой махнул – и уселся на край стола. Нагло, так, что у Малены перед носом оказалось крепкое бедро, обтянутое синими джинсами. И не только бедро...

Малена мужественно постаралась не покраснеть... Получилось плохо.

«Зато сразу ясно – человеку есть что подчеркивать», – «подбодрила» ее Матильда.

«А обязательно это делать на моем столе?» – взвилась Малена. Правда, исключительно для сестренки.

«Подчеркивать?»

«Сидеть!»

«А что такого?» – удивилась Матильда, которая и сама была грешна.

«Я на нем работаю...»

«Не страшно. Я думаю, он попу моет. И джинсы стирает. На крайняк – протрем с хлоркой».

И что тут ответишь?

«Зараза ты, Тильда».

«А ты смотри на экземпляр. Изучай сравнительную анатомию...»

«Тьфу!»

Про смущение как-то забылось.

– Поверила?! – рявкнул Антон, отвлекая девушку от разговора с умным человеком. – Она поперлась на кладбище!

– Э-э-э-э-э...

– Там ее и отловили. Решили, что хулиганье, потом хотели переправить в психушку...

По мнению Матильды – и надо бы. Но вечно эти люди не доводят до конца хорошие начинания.

– И...

– Позвонили мне. Лерка добила звонка...

А почему не родителям? Вот этого Малена не понимала.

«А что тут непонятного? Антон берет оплату натурой, – влезла Матильда. – Вот и позвонила, чтобы ее благородно спасли».

«Думаешь, Лера решила, что это дешевле обойдется?»

«Думаю, она об этом мечтала».

– Вы ее спасли? – спросила Мария-Элена шефа.

Антон посмотрел таким взглядом, что герцогессе даже стало его жалко.

– Спас-с-с-с-с-с... – шипел шеф так, что кипящие чайники мигом бы его приняли в почетные члены сообщества. – С-с-с-сплю я, в три часа ночи, тут звонок, и меня приглашают в отделение милиции, малым не на другом конце города. Пока сообразил, что от меня нужно, пока доехал, пока разобрался...

М-да.

Убила бы.

За такое Матильда точно убила бы, с особым цинизмом. И Малена не стала бы возражать.

– Эта дура мне обошлась в десятку. Кстати говоря.

Малена посмотрела с удивлением.

«Взятки давал», – пояснила Матильда.

«Переплатил. Явно».

– Может, ее из твоей зарплаты вычесть?

Малена вздохнула. Надо было обороняться.

– Почему не из Лериной?

– Ты ее надоумила...

– Разбить зеркало и поехать закапывать его на кладбище?

Антон замялся.

Признаваться, что подслушивал, было как-то неприятно. Но и оставить такое без наказания? Ну, знаете ли...

– Она сказала, что ты ее научила ритуалу.

– А если я завтра скажу, что прыжок с крыши девятиэтажки способствует росту ногтей? – Малена интересовалась не слишком активно, но...

Антон вздохнул и словно бы сдулся. Действительно, у нас не запрещено говорить, писать и читать любую ахинею. И верить в нее – тоже. Но зачем же в жизнь-то претворять?

Почти по Гоголю – Александр Македонский, он великий полководец, но стул-то в чем виноват?⁵

– Она дура. Да. Но зачем над ней было издеваться?

«А то, что она нам собиралась моську начистить – не считается?» – возмутилась Матильда.

«Намерение не есть действие...»

«Зараза!»

– Антон Владимирович, над Валерией никто не издевался.

– Вот как?

– Все, сказанное мной, вы можете прочитать сами, в ритуалах практической магии.

– Папюс-с-с-са?

– Не только. Моя бабушка когда-то интересовалась этой темой, и у меня дома осталось несколько книг. Если хотите, я вам их принесу.

Антон посмотрел на Малену так, словно она ему предложила заняться чем-то крайне извращенным.

– Этого мне только не хватало. Ритуалы, говоришь...

Малена молча кивнула.

– Ладно. Лерка, конечно, дура. Но сегодня ее работа – на тебе, поняла?

Малена молча опустила голову, всем видом показывая, что мир несправедлив, но раз уж начальство приказало...

Начальство грозно сопело. Потом, не дождавшись ответных заявлений, погрозило пальцем:

– Смотри у меня...

И исчезло в кабинете.

Малена вздохнула, и направилась в комнату к Нине с Женей.

* * *

– Ой, не могу!!!

– Вот идиотка!!!

– Это ж надо!!!

– Уписаться можно!!!

Хохот стоял такой, что на окне цветы пошатывались. Но тут или смеяться – или плакать.

Сочувствовать Валерии ее коллеги не занимались. А Малену никто не просил держать все в секрете.

Женя вытерла глаза, посмотрелась в зеркало, плюнула, стерла салфеткой остатки макияжа, и ее вновь разобрало.

– Ой, не могу... Это ж надо! Расколотить твое зеркальце, украсть его из мусорного ведра и поехать закапывать на кладбище!

– И ведь поверила... – Нина тоже всхлипывала от смеха.

Малена развела руками. Мол, что есть, то есть.

Нина махнула рукой.

⁵ Н.В. Гоголь «Ревизор».

– Малечка, иди отсюда, а? Какая там работа, у Лерки хорошо, если клиент раз в три дня случался. В основном-то она пасьянсы раскладывала и по почте списывалась. Если что – прикроем. За такое – не жалко.

Женя кивнула.

Валерию она недолюбливала, и такой расклад ее сильно порадовал. Соперница повержена в прах, без ее усилий и без последствий для самой Жени. Можно и поблагодарить Малену.

– Прикроем.

– Спасибо, – поблагодарила девушка.

Но дело на самотек не пустила, оставила дверь приоткрытой и разговоры отслеживала. Мало ли что?

Благо больничным этой дурынде оплачивать не заставили. Хотя... Выдают ли психам больничные? Или там как-то иначе?

Ладно, хорошо, что все обошлось. И Антон имел право сердиться. Но кто ж мог знать, что Лерка – такая дура? Сама Матильда в подобной ситуации просто выкинула бы зеркало на помойку, здраво рассудив, что на мусоропереработке его уничтожат и быстро, и качественно.

А, зараза!

Матильда гневалась, Малена привычно посмеивалась. Она и не таких идиотов в монастыре навидалась. Во что только не верят сопливые девчонки!

От «призрака монашки-удавленницы» до «руки покойника» и «глаз шервуля». Тут главное – не что сказать, а как. С какой интонацией, в какой момент и кому именно. И ведь работает...

Да, идиотки – они во всех мирах одинаковы.

* * *

Вечером Матильда отправилась в гости к Сергею. На ту же самую улицу.

Музыкант уже ждал ее, улыбнулся и показал на складной стульчик.

– Не хочешь составить компанию?

– Так петь неудобно будет.

– Хм-м... а что петь будем?

– Как насчет романсов?

– А ты их знаешь? – удивился Сергей. Он-то знал, но ведь и учится он в консерватории. А от современной молодежи скорее дождешься какой-нибудь «умцы-дрынцы-гоп-гоп-гоп». Ритм есть, дергаться можно, вот и отлично. Зачем в хорошей песне еще и слова с музыкой? Ни к чему такая роскошь! Только мешают!

– О бедном гусаре? – предложила Матильда.

Бабушка Майя любила и старые фильмы, и старые песни, и внучку приучила. Так что слова Малена знала, а Сергей, если где-то и не знал музыку, отлично мог подобрать пару аккордов.

И...

– «Не обещайте деве юной любви вечной на земле...»⁶

Примерно час они распевали на два голоса, а потом Сергей махнул рукой.

– Малена, слушай, а давай в кафешке посидим?

– Зачем? – искренне удивилась девушка.

⁶ Из кинофильма «Звезда пленительного счастья», музыка Исаака Шварца, слова Булата Окуджавы.

– Ну... мне неловко. Ты со мной поешь, зарабатываю я намного больше, а деньги ты брать отказываешься. Давай я тебя хоть пироженкой угощу?

Звучало логично.

– Согласна на чай и заварное пирожное, – улыбнулась Малена.

Разорять музыканта не хотелось, но и роскошествовать – тоже. Это не Давид Асатиани, у него другие доходы. Понимать надо...

– Тут рядом кафешка есть – и неплохая. «Сказка». Пойдем?

Сергей мигом подхватился и собрался. Руку он предложить Малене не смог, руки были заняты инструментом и прочими мелочами, но парень очень постарался идти с ней в ногу и не обгонять.

– Малена, а ты вообще чем занимаешься?

– То есть?

– Ну... поем мы вместе, ты обо мне много чего знаешь, а о себе ничего не рассказываешь. Ты учишься? Работаешь?

– Учусь, – выбрала Малена. – На делопроизводителя.

Сергей сморщил нос.

– Скучная специальность. Ты же творческий человек, неужели нельзя найти что-то поинтереснее? Петь хотя бы? У тебя и слух есть, и голос...

Малена фыркнула.

– Они у всех есть.

– Э, не скажи. Такие кадры иногда приматываются, хоть уши оторви.

– И что?

– Ну... а правда? Почему ты не хочешь заняться тем, что тебе нравится?

– Потому что творческой личности еще и кушать иногда хочется, – объяснила Малена.

– И?

– Делопроизводители будут нужны всегда. Это скучная и бумажная работа, но необходимая. Авось да хватит на кусок хлеба.

– Ну и пением...

– День густо, второй пусто... я так не готова.

– Но ты же губишь свой талант!

За разговором они дошли до симпатичной кафешки, старой, одноэтажной, еще дореволюционной постройки. На белом фасаде красовались зеленые буквы: «Сказка».

Сергей кое-как приоткрыл для Малены дверь и улыбнулся.

– Прошу вас, миледи.

– Благодарю вас, – привычно отозвалась Малена, проходя внутрь.

А ничего, миленько так. Спокойно, уютно...

Круглые столики, накрытые белыми скатертями, салфетки, живые цветы...

Чистенько, тихо, как-то по-домашнему...

– Сюда в основном с детьми ходят, – пояснил Сергей. – Спиртное не продают, есть соки, пирожные, можно горячий бутерброд заказать, если хочешь.

Малена не хотела.

– Чай и заварное пирожное.

– Как скажете, о сладкоголосая сирена.

Малена улыбнулась.

Лесть и комплименты были приятны. Матильда тоже чуть расслабилась.

Пусть подруга потренируется. У Матильды все это было в школе. И в кафешки она уди- рала с симпатичными мальчиками, и кокетничала, и даже первая любовь у нее была... целых два месяца, в седьмом классе. А у Малены в ее монастыре?

Что там было? Брюква и настоятельница? Монашки и молитвы? Пусть девочка учится общаться с парнями, вот...

Сергей принес пирожные, чай для Малены, кофе для себя, и принялся опять допытываться.

– Нет, ну правда? Тебе не совестно зарывать талант в землю?

Малена прищурилась.

– Лично я считаю, что если талант есть – он в любом случае проявится. Рано или поздно, так или иначе, он свое возьмет. А если нет – то нет. Лучше прожить всю жизнь хорошим делопроизводителем, чем бездарным певцом, который будет заявлять, что его карьеру загубили завистники.

– Но если бы Моцарт родился не в семье музыканта, он был бы одним из многих. А так...

– Может, пожил бы подольше?

– А мир не получил бы гениальной музыки!

– Но может, он получил бы ее от кого-то другого?

Сергей покачал головой.

– Какая вы, дама, прозаичная.

– Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда, – отозвалась Малена словами Матильды. – Вот тебе кто-нибудь учиться помогает?

Сергей развел руками.

– Ну... так себе. Средне. У меня предки в деревне, так что сельхозпродуктами я обеспечен, а вот с деньгами не очень. Стипуху получаю, сам подрабатываю...

– Не сложится у тебя с музыкой – к родителям вернешься?

– Не хотелось бы.

– Но тебе есть куда и к кому. А я рассчитываю только на себя.

– У тебя что – родных нет?

«МАЛЕЧКА!!! – завопила Матильда, понимая, что разговор сворачивает в опасное русло. – Осторожно!!!»

Осторожности герцогессу учить не стоило.

– Есть. Мать, отец, брат с сестрой...

Сергей чуть скис.

– Вы вместе живете?

– На шее у родителей я не сижу, если ты об этом, – отрезала Матильда. – Сама работаю, сама зарабатываю.

– Уже работаешь? А кем?

– Кем возьмут. Сам понимаешь, в моем возрасте устроиться сложно...

Сергей понимал.

– А тебе сколько уже?

– Восемнадцать. И что?

– Ежик, ты чего иголки выставила? Ну, работаешь... предки прессуют, что ли?

Малена махнула рукой.

– Конфликт поколений...

– А чего их не устраивает? Умная, красивая, учишься, работаешь...

Это-то их и не устраивало. Но распространяться о своих обстоятельствах Малена не собиралась.

– Родителей всегда что-то не устраивает, это закон жизни...

Сергей вздохнул.

– Ну да. Мне мать все уши прожужжала: иди на ветеринара. Или на агронома. И скотина всегда болеет, и кушать всем надо... не хочу! Сил моих нет в навозе копаться!

«Угу, а молочко пить мы любим», – съязвила Матильда.

– А ты взбунтовался.

– Сам поступил, общагу мне дали, – похвастался Сергей.

– Но и у тебя конфликт...

– Родителей всегда что-то не устраивает, это закон жизни...

Ребята переглянулись и расхохотались.

Но что-то Малену царапнуло. Петя она еще придет, это безусловно, но что ее задело в разговоре? Что было не так?

Что?

Глава 4

Рид, маркиз Торнейский

Обстрел продолжался.

Всю ночь степняки стреляли по лагерю зажигательными стрелами. Никто не погиб, но раненых хватало. Да и спать, когда над головой такое...

А, народ ко всему привыкает.

Это степняки могли меняться, их много, так что хоть в шесть смен стреляй, если припасов не жалко, а у Рида отряд небольшой.

Люди были так измучены переходом, что уснули бы и на собственной казни. Рид и сам прикорнул часа на четыре, кое-как привалившись к тележному колесу.

Палатки не ставили, понимая, что они тут же станут мишенью для степняков. Вместо этого люди Эльтца развернулись в обороне. Исконная мудрость всех миров – окоп выручит. На Ромее она так же отлично работала, как и на Земле.

Обозники копали ров и делали насыпь.

Инженеры, трехэтажно вспоминая чью-то неуважаемую степную маму, при свете зажигательных стрел и факелов собирали оставшиеся баллисты.

Шесть штук – много это или мало?

Под утро выяснилось, что достаточно.

Кал-ран Мурсун все-таки не выдержал и попробовал по темноте штурмовать холм всего с тремя сотнями солдат.

Не сам, конечно, впереди шел кан-гар Кархун. Ему и прилетел арбалетный болт от слишком меткого стрелка. Специально тот не целился, так получилось. В темноте, да когда что-то там зашуршало подозрительным образом...

Как тут было не стрельнуть? Попал стрелок удачно, как раз в бедро, так, что кан-гар благополучно оступился, полетел головой в ров – и да! Именно благополучно! Он не напоролся на колья, его не затоптали, просто завалило слегка телами других погибших, крепко вышибив дух. И он даже не задохнулся под тяжестью мертвых тел.

Караулы Рид расставлял лично. И проверял их Стивен Варраст, да и так караульные не уснули бы. Все ждали от степняков пакостей. И дождались.

Вот здесь и проявляется правильная выучка.

Наложить болт – раз! Взвести рычаг – два. Выстрел – три.

Какие там десять секунд? За пять управились! Жить захочешь, еще не так постреляешь!

Ну а когда с криками боли повалились почти полтора десятка степняков, когда остальные бросились на штурм...

Шанс у них был.

Смять караульных, перепрыгнуть ров, ворваться на территорию лагеря, а там и остальные подтянутся.

Кто ж мог знать, что Эльтц, сволочь хитрая, не просто ров выкопал и небольшую насыпь насыпал. Он еще и колья повтыкал! В ту самую насыпь! И в ров.

Взбежать и прыгнуть-то можно, но, приземлившись кожаной подошвой сапога на кол, ты мигом потеряешь интерес к происходящему. И свалишься в тот же ров, где тебя со вкусом и расстреляют. Без особой спешки, вдумчиво прицеливаясь, ибо куда ты выберешься, с раненой-то ногой? И далеко ли удерешь, даже если выберешься?

А тут еще ударили легкие баллисты...

Отряд не вернулся. Вместо этого на насыпь вылез Джок Грас, повернулся к врагу тылом, снял штаны и прокричал, куда степнякам следует пойти и чем там заняться. Предложение было принято, степняки попытались передать согласие с помощью пары десятков стрел, но наглец, как был, с голым задом, не утруждаясь одеванием у всех на виду, сиганул обратно, не переставая делать врагу неприличные предложения.

Наказывать его никто не стал.

Стивен отлично понимал, что солдатам нужна разрядка, хотя бы и такая.

Кал-ран, узнав об этом, помрачнел хуже тучи и поинтересовался, как там дела у Шурвеха?

С переправой?

* * *

– Ваше сиятельство, мы тут «колокольчика взяли»!

Рид потер руки, когда ему из темноты двое солдат вытащили степняка в дорогой одежде и при хорошем доспехе.

– Кан-гар... удачно. Молодцы, ребята. Держите!

Рид, недолго думая, вытащил из кармана кошелек и протянул солдатам, даже не открывая.

– Благодарствую, ваше сиятельство! – Один из солдат, не размышляя, опустил кошелек в карман, кивнул второму – поделим. Смерть там, не смерть, а вдруг выжить удастся?

Рид с улыбкой доброго, но очень голодного людоеда посмотрел на кан-гара Кархура.

– Поговорим?

Кан-гар желания общаться не проявил. И минут десять подробно расписывал Риду, что с ним надо сделать. И что именно из «надо» сделает доблестный кал-ран Мурсун, а потом еще и каган Хурмах.

Рид слушал, не перебивая. Степняк, видя, что никто не реагирует, постепенно начал повторяться, а потом сбился и умолк, ненавидяще сверкая глазами.

Благодарности в нем ни на медяк не было. А ведь люди Эльтца его из рва вытащили...

Добивали раненых степняков и заметили, что этот вроде как из важных. А раз так – допросить! И потащили степняка к начальству.

Когда Кархур заткнулся, Рид помолчал еще пару минут. А потом просто повернул к степняку свой родовой перстень с гербом.

– Маркиз Торнейский. Не слышал обо мне? Не доводилось?

Кархуну и кровопотери хватило с лихвой. И помяло его неплохо, а уж от такого известия...

Степняк, прямо как благородная девица, ушел в глубокий обморок.

* * *

Из обморока кан-гара вывели не нюхательными солями. Идеальный вариант – приложить к голой коже тлеющую головню и подержать пару минут. Вскочил как миленький и взвыл на половину лагеря. Рид покачал головой.

– Побеседуем?

Вот теперь степняк согласился беседовать. И в следующие полчаса выдал Риду те военные тайны, которые и без него все знали.

Каган Хурмах решил завоевать себе кусок Аллодии и объявил Великий Поход. Всего с ним отправилось сорок тысяч степняков, не считая обоза. Конкретно сюда, к Равелю, в аван-

гарде двигалось семь, под командованием кал-рана Мурсуна. Еще три тысячи отправилось вверх по течению Интары под командованием кал-рана Арука и кал-рана Давеля...

– Кого? – насторожился Рид.

– Кал-рана Давеля. – Степняк только что не обгадился, но был близок к тому, чтобы испортить шаровары. Рид выглядел так, что мог приказать и башкой в костер сунуть. И приказание мигом было бы исполнено.

Рид принялся расспрашивать дальше.

Выяснилось, что – да. Давель тот самый, кал-ран Ренар Давель, аллодиец, один из приближенных кагана, вроде как он ему очень помог...

Особых подробностей степняк не знал, но Риду и того хватило. Якобы с помощью кал-рана Давеля взяли и Инкор, и Доран... что-то он там намутил. Или подговорил кого, или еще чего... А вот к Ланрону негодяй пока подхода не нашел, Ланрон пока еще держится.

Степняки идут вслед за авангардом. Все тридцать оставшихся тысяч. Ладно – двадцать пять, если вычесть всех, кто пошел отдельными отрядами. Авангарды, арьергарды...

Рид подумал еще пару минут.

И что делать с этим шакалом? Повесить – или по-простому, головушку долой? По законам военного времени?

И можно бы, но... чего самому-то мारаться?

– Выкинуть его отсюда прочь, – приказал Рид кстати оказавшемуся рядом Джоку.

– Командир? – не понял Джок.

– Вывести на вал, дать пинка – и пусть летит к своим, – понятно объяснил Рид. – Так надо.

– А может...

Сколько миров, а жест универсальный. Пальцем поперек шеи. И ведь всем все понятно!

Рид вздохнул. Ладно, пусть уж его.

– Сегодня отправишься чистить нужники, чтобы не препирался с командиром. Мне надо, чтобы этот шакал рассказал своим, кто здесь стоит. Кто сопротивляется. Понял?

Джок кивнул. А, ну раз так...

– Как скажете, командир. Нужники так нужники, сейчас и начну.

И гигант легким движением подцепил степняка за шкирку.

Рид пронаблюдал за полетом «степной ласточки» и кивнул Стивену.

– Прикажи поднять мое знамя.

Заяц бился на ветру, дрожал, и казалось, что он собирается убежать. А вот не дождетесь!

Те, кто близко знакомы с белыми пушистыми зайками, знают, что не так уж они и беззащитны. И когти у них есть, и даже смертельные случаи бывали, когда заяц, защищаясь, распарывал противнику живот или кровеносную жилу.

Первым заяц не нападет. Но кто его схватил, тот сам и виноват.

И словно в ответ на знамя из полусумрака рассвета донесся злобный крик кого-то из степняков. Рид довольно улыбнулся.

Никуда вы от меня не денетесь, голубчики. Еще и каган придет...

* * *

Кал-ран Мурсун, узнав о возвращении кан-гара Кархуна, не преисполнился милосердия и восхищения, а приказал подать его пред свои очи.

И получил. Потрепанного, ободранного, исцарапанного, раненного в ногу – и с бо-ольшим четким отпечатком сапога на заду.

Хорош!

И это кан-гар!

Судьба Кархуна была решена в единый миг, но сначала...

– Ты был в плену?

– Да. Пощади, кал-ран! У меня важные вести!

– Какие же?

– С ними – Черный Волк!

Мурсун оказался покрепче. В обморок падать не стал, но, с другой стороны, и Торнейского рядом не оказалось.

– Маркиз Торнейский?

– Д-да...

– Ты его лично видел?

Кархун закивал.

– Как тебя сейчас, кал-ран. Он спросил, зачем мы пришли...

– И?

– Я сказал, что копыта коней кагана пройдут по всей Аллюдии. Его страна ляжет под наши мечи, а голова Торнейского будет торчать на колу у юрты кагана. И ты, кал-ран, станешь тем, кто принесет ее!

Мурсун искренне в этом сомневался. Но...

– Почему тебя отпустили?

– Черный Волк сказал, что храбрость заслуживает награды! – заюлил Кархун.

Кал-ран хмыкнул.

– Повернись спиной, кан-гар.

Кархун попытался отказаться от такой чести, но...

Повернули. Осмотрели отпечаток на задку «храбреца», и кал-ран подвел итог.

– Ты прав. Храбрость не должна оставаться без награды, равно как и трусость. Так что... Казнить!

– Нет!!! Пощади, кал-ран!!!

Бесполезно. Крики быстро стихли, когда Кархуна проткнули сразу несколькими копьями. Мурсун вздохнул.

– Зачем мне кан-гар, который погубил своих людей, а сам уцелел? Незачем...

Все собравшиеся восславили мудрость кал-рана, Мурсун переждал восторги и поинтересовался:

– Что там у Шурвеха?

У Шурвеха все оказалось намного лучше.

Плоты степняки не сделали – тут навык нужен. А вот брод найти – дело нехитрое. Прощупывай дно, и вперед. Где вплавь, где с ругательствами, но переправились, потом натянули веревки, благо река оказалась достаточно узкой, и принялись переправлять все необходимое.

Те же луки со стрелами.

Привяжи да плыви? Нельзя. Тетива не должна отсыреть, да и намокшие стрелы меткости не добавляют. Но постепенно, потихоньку...

Отряд в две сотни степняков занял выжидательную позицию. Любого, кто пойдет за водой, они встретят стрелами.

Кал-ран одобрил. Что ж, подождем немного.

Можно продержаться без еды. Но без воды? На солнцепеке – день будет ясным? Под обстрелом?

Долго наглецам не выстоять. А он потом отправит кагану письмо о своей победе. И...

Лучше сразу же написать про Торнейского. Да, так будет лучше всего. Два письма.

В одном он напишет, что столкнулся с отрядом Торнейского, численностью... тысяча человек. Нет, лучше две... ладно. Полторы тысячи врагов. Они уничтожили тысячу, но потеряли пятьсот своих и заперли врага в... интересно, как называется это место?

Не важно.

Главное, Торнейскому отсюда никуда не деться. Так что каган может ожидать его голову на копье в ближайшее время.

Так будет лучше всего...

Мурсун потер руки – и принялся диктовать писцу нужные слова. Это ведь так важно – своевременно и правильно донести до начальства новости!

А то можно и без награды остаться. Или вообще...

Пишем.

«Мой господин...»

* * *

Рида известие о стрелках не порадовало.

– Думаешь, долго тут продержимся? – Стивен тоже был легко ранен в плечо, но отлежаться в обозе не собирался.

– Хотя бы пару дней, – честно признался Рид. – Потом пойдем к Дорану.

– Может, стоило пойти сразу? Здесь мы не передохнем...

– Главное, чтобы не передохли, – скаламбурил Рид.

Ему тоже было паршиво. Одна из стрел клюнула в ногу, чуть пониже колена, и он прихрамывал, надеясь, что воспаления не случится. И так-то хромал, а теперь вообще...

Сволочи степные!

За водой теперь приходилось ходить по четыре человека, прикрываясь щитами. Получалось плохо, но пока хватало и людям, и лошадям. Тем не менее ясно было, что долго так не простоять. Но, может, хотя бы еще сутки?

Интересно, отправил ли Мурсун гонца?

Рид от всей души надеялся, что да. Флаг с белым зайчиком реял на ветру, словно издеваясь над степняками.

Расчет был прост.

Если Хурмаху донесут про Рида, он подождет идти на Равель. Свернет и двинется к нему.

Рид искренне надеялся, что достаточно насолил кагану, чтобы рассчитывать на его чистую и незамутненную ненависть. Это же такой шанс разорвать врага конями! Как его упустить?

И Равель выиграет еще немного времени. Хотя бы чуть-чуть...

Лишь бы успел Иллойский. Лишь бы он успел...

* * *

Не все из собравшихся в лагере думали сейчас о Равеле. Нет, не все...

Роман Ифринский переглянулся со своими друзьями. Виктор Лейнский и Эрон Шорский также были потрепаны, измучены и ничего хорошего впереди не предвидели. Вообще.

Это не на параде красиво перед дамами гарцевать, это кровь, грязь, дерьмо в самых неприглядных их проявлениях. Это смерть и страх.

И Ифринскому вовсе не хотелось закончить жизнь здесь и вот так. В грязи, корчась от боли и запихивая внутрь распоротого живота вывалившиеся кишки.

– Торнейский нас всех здесь положит!

– За тем и шли, – ухмыльнулся Шорский.

– Лучше бы он лег, если ему так хочется, а мы остались. – Роман не собирался прощать Риду своего позора. Тогда, с крестьянкой...

Ну побаловались они с этой шлюхой – и что такого? Все равно они там, в деревне, под всех ложатся! Чего было дворян при всем отряде унижать?

Такого Роман спускать Риду не собирался.

– Предложения есть? – Лейнский мыслил рациональнее. Чего ругаться? Лучше узнать, зачем Роман их позвал.

– Есть, – Роман оскалился почти по-волчьи. На грязном, запыленном лице, с дорожками от пота, смотрелось это устрашающе. – Еще как есть...

– Какие?

– Сбежать.

Шорский и Лейнский переглянулись.

– Не удастся, – покачал головой Эрон. – Куда? К степнякам в лапы?

– А хотя бы и к ним! Вы слышали, что сказал тот степняк?

– Нет.

– А я неподалеку был. – Ифринский вытер пот, еще больше размазав грязь по лицу. – Их сорок тысяч. Семь здесь, двадцать пять идет. Еще три тыщи идут по Интаре, пять под Ланроном.

– Нас просто сомнут. – Виктор мрачно посмотрел в ту сторону, откуда летели «зажигалки». – Мы даже отсюда не уйдем – не дадут.

– Торнейский сказал степняку, что он – здесь, – сообщил Ифринский. – Так что сюда ринутся аж двадцать пять тысяч обозленных степняков.

– Нам и десяти хватит, – не стал обольщаться Лейнский. – С лихвой и с избытком.

– Поэтому надо бежать.

– Сейчас это бесполезно. – Виктор покачал головой. – Нужно, чтобы мы могли выйти из окружения, чтобы достать коней...

– Или договориться со степняками, – согласился Эрон.

Ифринский поглядел на друзей.

– Раз так – ищем случай.

И ему ответили два согласных кивка. Умирать молодые люди не хотели. Это из столицы степняки кажутся грязным стадом, которое легко разогнать плеткой, а вблизи они куда как страшнее.

И страшна не смерть – аристократы не раз сталкивались с ней. На дуэлях, к примеру.

Страшна грязная смерть. Именно ее и хотел избежать Роман.

Предательство?

Он и слова-то такого не допускал. Они просто уйдут за подкреплением. Подойдет Иллоиский, они ему все доложат, и с новыми силами...

Это не предательство. Это – тактический маневр, вот!

Аллодия, Аланея

Его величество Остеон как раз читал бюджет, когда в кабинет заявился Найджел. Барист Тальфер, услышав голос принца и увидев, как поворачивается дверная ручка, с неожиданным проворством метнулся в королевский «кабинет для уединения». Остеон подумал, что стоило бы выставить нахала, но потом махнул рукой.

Тальфер был не просто необходим – он был незаменим. Никаких невероятно секретных тем король с Найджелом поднимать не собирался, а когда сын уйдет, он расспросит Бариста, что это за ужимки и прыжки.

– Отец! Утро доброе...

– Доброе, надеюсь, – остро посмотрел Остеон. – Что случилось?

– Вечером состоится бал. Надеюсь, ты не забыл?

Остеон не просто забыл.

В гробу он тот бал видел, в пасти у шервуля. Самое время, Восьмилапый его сожри, тот бал! Но сын старался...

Остеон понимал, что между ним и Найджелом очень мало взаимопонимания, и не соби-
рался отказывать сыну. Особенно в такой мелочи.

Бал?

Пусть будет бал.

– Все готово?

– Да! Я заказал шесть сотен белых роз...

Остеон едва не застонал, слушая про все заказы.

Розы!

Ленты!!

Свечи из белого воска с фитилем, пропитанным маслом!!!

И это во время войны! Когда нужно зерно, масло, когда нужны стрелы, баллисты, оружие, кольчуги, кони... Вы хоть представляете, сколько это стоит?

Корона может не платить? Интересное заблуждение. Забавное такое...

Корона *обязана* платить. Это два купца могут задолжать один другому, могут поссо-
риться, могут отправиться в суд... А вот Корона обязана платить по всем счетам.

Где взять деньги?

Да шервуль бы с ними, с теми балами и лентами! Обошлись бы! Лучше б еще пару кораб-
лей с зерном закупили, и придется ведь закупить. Только надо будет займы сделать...

Война – дело всегда затратное, а уж со степняками...

Допустим, они победят. Какие Остеон получит трофеи?

В лучшем случае – дрянные доспехи, которые надо тупо считать по весу, как железный
лом, и коней, из которых разве что колбасу сделать можно. И все. Ни золота, ни драгоценно-
стей, в Степи главная ценность – это вода.

Пленники?

Заставить степняков работать еще ни у кого не получалось. Проще сразу прибить.

Зато останутся разоренные территории, сожженные города и крепости, убитые люди –
и приводить все к довоенному состоянию придется несколько лет. С войной – как с деревом.
Срубить – час, вырастить – пять лет клад.

Еще кусок территории Степи. Тоже сомнительное сокровище, потому как границу пере-
носи, крепости строй, отряды ставь... кто б на все это денег нашел?

Допустим, Аллодия проиграет. Остеон не желал этого результата, но допускал его.

Тогда все еще хуже. Они лишаются крупного куска территории, общей границы с Сала-
рином, зато приобретают хищников на границе, и эту проблему опять-таки придется решать.
Нанимать войска, выбивать степняков со своей земли, заботиться о людях, кормить, устраи-
вать...

Балы? Ленты и цветы? Да засуньте вы их себе туда, куда рука достанет!!!

Но вслух Остеон этого не сказал.

– Хорошо. Я не просто буду на балу, я даже открою твой бал.

– Только на мою фаворитку не покушайся, – рассмеялся Найджел. – А то знаю я тебя, ты
еще о-го-го! Один взгляд, и Френсис я лишусь, а я ее долго добивался.

Остеон фыркнул.

Слышать такие слова от сына было приятно, но...

– Когда приедет Дилера, Сорийской в столице быть не должно. Джель, ты меня понима-
ешь?

– Так она ж еще не приехала! – Найджел широко улыбнулся и развел руками.

По мнению Бариста, который сейчас, скорчившись в три погибели, наблюдал за «любящим сыном» в замочную скважину, принц сильно переигрывал, но кто б его спрашивал?

– Джел?

– Уберу я ее, уберу, – согласился Найджел. – Но пока-то можно?

– Пока – можно. Но я бы тебе советовал открывать бал не с ней.

– Хм-м... – Найджел так же показательно задумался. – А Лофрейнская тебя устроит?

– Диана? Рид не заревнует?

Найджел фыркнул.

– Да у него таких – пальцем помани. И потом, я же ее на танец, а не в кровать приглашаю?

Остеон подумал – и кивнул.

– Что ж. Пусть будет Лофрейнская. Спасибо, сынок.

– Ну что ты, отец. Неужели я ради тебя не поступлюсь такой мелочью?

Остеон вздохнул. Неслышно, про себя... неужели сын взрослеет? Хоть как-то... Брат милосердный, Сестра всевидящая, помогите! Ведь править мальчишке, может, уже и скоро...

– Спасибо.

– У тебя вина не найдется? Спасибом сыт не будешь...

– Травяной отвар, – кивнул Остеон в сторону кувшина.

Найджел скорчил гримаску.

– Гадость. Ладно... тебе налить?

– Наливай, – махнул рукой король.

И принял из рук сына кубок с горящим отваром. Гадость все же этот отвар. Гадость... даже мед его не спасает, только еще противнее становится.

Найджел заручился обещанием отца присутствовать на балу и удалился.

* * *

Стоило только хлопнуть двери, как Барист выбрался из места уединения и поклонился.

– Простите, ваше величество.

– И что все эти прыжки значат? – Остеон не гневался. Ценным специалистам можно прощать некоторые странности, но хотелось бы объяснений.

– Ваше величество, его высочество меня не любит, и я счел за лучшее не раздражать его своим видом. – Барист низко поклонился.

– Неубедительно.

Дураком Остеон точно не был.

Барист поклонился еще раз.

– Ваше величество, другого объяснения у меня нет.

Остеон прищурился.

– А если я разгневаюсь? – сказано было без особого давления, но уже с намеком.

Барист опять поклонился.

– Ваше величество, мне остается только полагаться на ваше милосердие.

Молчание было ему ответом. И пристальный взгляд.

– Ваше величество, я подозреваю леди Сорийскую...

– И в чем же? – недовольства в голосе короля уменьшилось.

– Не всем выгоден союз между нашими государствами...

– Данза? Или Шемаль? Грат и Калинд достаточно далеко, но кто их знает?

Барист еще раз поклонился.

– Ваше величество, простите, но я пока не могу сказать точно...

– И поэтому прячешься от моего сына?

– Вряд ли его высочество одобрит мое... отношение к его фаворитке.

Остеон покачал головой.

– Не думаю, что Найджел знает или даже догадывается о твоих подозрениях.

– Ваше величество, я подозреваю, что кто-то заплатил леди Френсис, чтобы она расстроила наш союз с Эларом. Отсюда и... известный вам инцидент на балу.

Остеон вспомнил сына со спущенными штанами, и нахмурился.

– Мне кажется, она слишком глупа для подобного.

– Не умом единым, ваше величество...

– И кто же может стоять за ее спиной?

– Пока не знаю, ваше величество. И надеюсь узнать. Ваше величество, мне не хотелось бы пока отвечать на вопросы его высочества. Я понимаю, что это...

Остеон махнул рукой.

– Найджел все равно узнает. Все равно...

– Ваше величество, я все понимаю. Но...

Его величество только покачал головой. Глупо, по-детски, но – пусть. У всех свои странности, а Баристу они простительны. Он финансист от Брата и Сестры. Или – от Восьмилапого, кто уж знает.

– Ладно. Что у нас там с зерном?

– Куплено тридцать два корабля. Надо бы еще столько же...

И мужчины опять вернулись к обсуждению бюджета.

* * *

Варсон Шефар хлопнул по заду пышнотелую красотку.

– Эх и хороша ж ты, Катинка!

Личная доверенная служанка Френсис Сорийской подбоченилась. Она действительно была хороша. Рыжеватые волосы, карие глаза, плотно сбитая фигура с соблазнительными округлостями в интересных местах, улыбка на алых, без всякой помады, губах – мужчины не оставались к ней равнодушными. Были девушки и симпатичнее, но Кати была обаятельной и очень живой. Яркой, искристой...

Варсон понимал, что это работа, но и то попадал под ее обаяние.

– Ты небось всем это говоришь!

– Как ты могла так подумать?

Варсон выглядел истинно оскорбленной невинностью. Кати покачала головой. Видала она таких кавалеров, видала и поавантажнее, но... приятно же! Конечно, честной девушке надо думать о замужестве, о своем приданом, но пока брак никто не предлагает, что бы и не принять ухаживания симпатичного парня? Известно же, девушку в глазах окружающих поднимают мужчины.

Нет у тебя никого? Понятное дело, никому ты не нужна, никто на тебя не позарится.

Есть кто-то? Как известно, мужчины в чем-то очень стайные. Нужна одному – будешь нужна и всем. Так что Кати не отвергала ухаживания Варсона с ходу. Пусть походит, опять же, цветочки, ленточки, пирожки – пустячок, а приятно...

– Знаю я вас, мужчин...

Но протеста в голосе не было.

– А как насчет узнать нас получше? Приходи сегодня к конюшне? Погуляем...

Кати покачала головой.

– Ох, сегодня никак.

– А что такого?

– Хозяйка злая, аж смотреть страшно! Еще вернется, а меня не будет – выгонит в ту же минуту. Еще и плетей дать прикажет.

– А что случилось-то? Бал же сегодня, принц устраивает? – Варсон смотрел так невинно, что обманулась бы любая. Не стала исключением и Кати.

– Да хозяйка узнала, что ей бал с принцем не открывать...

– Так и что ж?

– А если дальше хуже будет? Другую найдет? Или вообще ее отошлют? – Кати округлила глаза, как соенок на дневном свету.

– Да кто ж такую красотку отошлет? Что ж наш принц – дурак, что ли?

Кати покачала головой.

– Ох, кто ж там скажет, что в голове у благородных? Моя вот леди сейчас к балу должна готовиться, а она уехала...

Варсон мигом сделал стойку, хотя постарался не подать виду.

– Ну вот... Она уехала, а ты – жди. Она гуляет, а ты – жди. Где справедливость?

– Ох, и не говори. Но, может, она от господина вернется повеселее? Тогда попрошу меня отпустить.

– От принца, что ль? – Варсон смотрел наивно и искренне. Но Кати покачала головой.

– Нет. Не от принца. От господина... не важно!

– Не понял? Какой еще господин?

– Не важно! Это дела господские!

Варсон сдвинул брови.

– Знаю я те дела! Наверняка там и какой-нибудь симпатичный лакей есть! Да?

Кати замотала головой. Ревность, оно, конечно, приятно, а вдруг глаз подобьют? Ой, не ко времени будет...

Варсон прищурился.

– Наверняка ведь! Ты с госпожой едешь, вот и присмотрела себе кого! Коварные женщины!

– Да никого там нет! – огрызнулась Кати. – Господин этот дом вообще для встреч снимает!

– И ни одного слуги? Быть не может!

– Может! Я госпоже потом одеться помогаю, а то и сам господин, когда меня не берут...

– Что ж там за господин такой?

Кати помотала головой.

– Знать бы...

Теперь уже не поверил Варсон.

– Что, и ни разу его не видела? Быть не может!

Кати зарделась.

Ну... видела. Любопытство – во все века порок неистребимый, а потому девушка подглядела один раз в щель занавески. Хотя и маловато увидела, разве что отдала должное выдумке благородных.

– Высокий, светловолосый...

– Так то ж принц, небось, и был, – фыркнул Варсон.

– Принца я б всегда узнала. Не принц это, точно! – Кати решительно покачала головой. – Нет, не принц. Постарше будет. И в плечах пошире... мужик! Знаешь, такой, матерущий!

Варсон пожал плечами.

– Ну, завела себе твоя хозяйка еще дружка. Небось из простонародья, для души, для тела. Бывает...

Кати кивнула. Потом подумала и помотала головой.

– Э, нет. Таких из простонародья не бывает. С рубиновыми кольцами...

Варсон хмыкнул.

– А как же тогда этот благородный туда приезжает? На крыльях, что ли?

– Верхом, понятно...

– В такие-то трущобы?

– И ничего там не трущобы, на Кожевенной, – надулась Кати, не замечая, как ухажер постепенно вытаскивает из нее сведения.

– Да там и домов-то нормальных нет. Чтобы для аристократов!

– Очень там даже симпатичный дом, беленький такой, с зелеными ставнями...

Варсон и сам не мог понять, чем его привлекает эта информация. Но...

Всем известно, хочешь найти причину бед – ищи женщину. Вот он и искал. Искал, думал...

Следить за принцем было сложно. Служанок у него не было, а слуги и лакеи драли нос так, что не подступиться. Приходилось изворачиваться, искать подходы...

Мало кто откажется поболтать с хорошенькой девушкой. А уж выудить информацию из девушки – дело другое. Но как же иногда тяжело!

Надо бы съездить, поискать тот дом и поинтересоваться, кто его снимает. Что ж такого там интересного, что леди Френсис, получив по носу от принца (в переносном смысле, но все же, все же!) рвется поделиться... с кем?

Кто именно успокаивает ее?

И рубиновый перстень?

Высшая аристократия... кто?

Вопросов было больше, чем ответов. Варсон полюбезничал с Катишь, успокоил девушку, как мог, а потом...

До вечера еще было время.

Почему бы и не проехаться на улицу Кожевенную? Посмотреть, кто там и как будет... успокаивать леди? Вдруг удастся узнать что-то новенькое?

* * *

Леди Френсис занималась вовсе не тем, о чем подумал Варсон. В настоящее время она расхаживала по комнате, да так, что за ней пыль взлетала.

– Ужасно!

– Ничего страшного, Френ.

– Мой господин, а если меня отошлют от двора?

– Ничего страшного. Я вызову тебя обратно.

Мужчина провел рукой, разглаживая свиток. Блеснул рубин в перстне.

– Я не сомневаюсь в вас, мой господин...

– Ну так не сомневайся и в себе. Неужели кто-то способен отказаться от такой красоты?

– Но принц...

– Это король, после того скандала. Наверняка. Не Найджел. – Мужчина свернул обратно полосу пергамента и посмотрел на леди. – Ни о чем не думай, любовь моя. Я решу твои проблемы.

Леди Френсис со вздохом опустилась на колени рядом с ним и коснулась щекой бедра.

– Я так счастлива, мой господин. У меня есть вы...

Теплая ладонь прошла по ее волосам, безжалостно разрушая прическу.

– Это я счастлив. У меня есть такая женщина, как ты. Красивая, умная... Такая редкость в наше время!

Леди Френсис слушала комплименты, как песню. И постепенно притуплялось раздражение, злость, гнев...

– Я не буду злиться на Джелю. Он глуп...

– Вот и не надо. Подумай, что ему не так долго осталось...

– Правда, мой господин?

– Да.

И тебе тоже. Но об этом умолчим. Какие ж вы, бабы, – дуры!

* * *

А вечером был бал.

И даже его величество признал, что веселиться Найджел умеет.

Сияли свечи, искрились хрусталь подсвечников, золото и бриллианты дам и кавалеров, роса на лепестках роз и вышивка на драпировках.

Звенели бокалы и гремела музыка.

Веселили народ менестрели и шуты, играли, сменяясь, несколько оркестров, представляли забавные сценки актеры. Все было невероятно красиво и утонченно.

Остеон бы первый порадовался, если б не знал, во сколько казне обошлось это увеселение. А денег – нет! А впереди еще прием по случаю приезда Дилеры Эларской, еще королевская свадьба... одна – точно. Вот что делать с братом – пока не ясно.

Остеон уже получил письма от Рида, уже получил дипломатическую почту от Самдия. Голуби летают быстро...

Шарлиз Ролейнская, побывав в руках у степняков... останется ли она подходящей невестой для Рида? Его величество сильно сомневался в этом. Очень сильно...

Даже если девушку не убьют, то девушкой – в прямом смысле слова – она не останется. Никак. Принято такое в Степи – красивых женщин сразу определяют по гаремам и используют по назначению. В лучшем случае. А в худшем – их просто пускают по кругу.

Если даже Шарлиз повезло, на кой шервуль братцу наследник с узкими глазками? От степняка прижитый?

Или завязываться на что-то более сложное. К примеру, Шарлиз выдать замуж за менее знатного дворянина, есть и такие. У кого наследники уже есть, род в продолжении не нуждается, а хорошенькая молодая жена, с приданым, да еще с королевским благословением – это ж каждому лестно.

Вот, выдать Шарлиз за такого замуж, ребенка от степняка, если принесет, или оставить при ней, или избавиться – по ситуации, а для Рида потребовать еще одну невесту у Самдия?

Остеон склонялся именно к этой возможности. И вежливо отписал коллеге-королю, что все понимает, что очень ему сочувствует, у вас в этом кошмаре оказалась дочь, а у меня брат, который отправился встречать невесту – а теперь и выручать ее...

Если уцелеют, конечно, мы будем разговаривать, но я в любом случае приму участие в судьбе бедняжки Шарлиз. Этакий вежливый намек.

Для брата короля, пусть и незаконного, она уже не подойдет. Но – и на пепелище не останется.

Мысли совершенно не мешали Остеону первому открыть бал – Найджел настаивал. Пришлось пригласить герцогиню Веленскую. Дама шестидесяти лет от роду мило улыбнулась королю, демонстрируя все свои оставшиеся десять зубов и приняла приглашение.

Кого-то другого приглашать не хотелось. А здесь все подходит. И возраст, и вдова, так что муж точно не заревнует, и фавориткой она стать уже не сможет, да и титул – тоже. Герцогиня, хотя Веленские и не особо крупные землевладельцы. Но король себя точно не уронит.

Да и умна была дама. Всегда все понимала правильно, еще в те времена, когда Остеон был мальчишкой и смотрел на красоток снизу вверх.

Второй парой стали Найджел и Диана Лофрейнская.

Во время танца нужно разговаривать. Пары сходятся, расходятся, улыбаются, и если не разговаривать... Это – принято. Иначе речь идет об обиде или плохих отношениях.

Остеон был не в том настроении, чтобы поддерживать всю эту придворную мишуру, герцогиня это почувствовала и взялась за дело сама.

– Ваше величество, ваш сын просто очарователен.

– Благодарю вас, герцогиня.

– Чувствуется, что он ваш сын. Ваша стать, ваше обаяние... И все же он так похож на ее величество!

– Лиданетта была бы счастлива видеть его – сейчас, – вздохнул Остеон.

– О да... А они хорошая пара с Лофрейнской. Красивая...

– Пусть потренируется перед приездом невесты, – хмыкнул Остеон, потихоньку оттаивая. И верно – пара красивая. Высокий блондин Найджел, миниатюрная брюнетка Диана...

– Не сомневаюсь, ваш сын будет счастлив в браке, если он унаследовал не только обаяние, но и мудрость своего отца.

– Ваши бы слова – богам в уши, милая герцогиня, – вздохнул Остеон.

– Судя по взгляду леди Френсис, ваш сын неглуп, – усмехнулась дама, завершая фигуру. – Если бы он не нашел нужные слова, леди бы выглядела иначе. А она спокойна...

Остеон прищурился в ту сторону, куда глядела и дама.

А ведь верно. Спокойна.

Он знал таких женщин, как леди Френсис. Хищницы по натуре, они не умны, нет... И стоит им заарканить мужчину, как они вцепляются, обвивают, и стараются не отпустить, ни в коем случае не отпустить. Леди сидеть бы тихо, а она не просто на балу, она смотрит на принца с недвусмысленным приглашением. И наверняка хотела открывать с ним бал, идя в первом танце.

Но – нет?

Стоит у стеночки, ждет...

Видимо, Найджел и правда не настолько глуп, раз смог приструнить вздорную бабу. Особенно в свете подозрений Бариста... кстати, а вот они, может, и оправдываются. Леди Френсис ведь не обижается, она молча ждет, а женщина никогда не обижается на мужчину, от которого ей что-то нужно.

Остеон улыбнулся герцогине.

– Леди, вы пообещаете мне еще один танец – позднее?

– Ваше величество, могу ли я отказать вам? – лукаво улыбнулась дама.

– Вы все можете. Даже разбить мое бедное сердце. – Остеон держал улыбку, а голова болела все сильнее. И герцогиня поняла это. Как-то поняла, поднесла руку к горлу, вздохнула.

– Ваше величество, умоляю о милости... здесь так душно...

Остеон не стал отказывать даме. Предложил ей руку и повел в сад, чтобы не мешать танцующим. И не заметил, каким взглядом проводил его Найджел, который тоже не обманулся улыбкой отца.

Зелье – работает?

Оно – работает?

* * *

Вечер опустился на землю как благословение для Рида – и его людей.

Они уже с ног валились.

Кал-ран Мурсун, узнав о присутствии Торнейского, не просто штурмовал укрепления. Он не давал ни продыху, ни роздыху. Он атаковал, он посылал то маленькие, то большие отряды, он часа не давал пожить спокойно. А когда степняки не атаковали – они стреляли. Да так увлеченно, что аллодийцы давно плюнули на все. Когда им нужно было выстрелить в ответ,

они просто протягивали руку и шарили по земле рядом с собой, зная, что там обязательно найдется стрела. Похуже или получше, но найдется. Столько их высыпали, что хоть печку топи.

Прибавилось и раненых, и мертвых, причем с обеих сторон, но Рид был доволен. У него в общей сложности полегло семьдесят человек. У врага – раз в двадцать, кабы не в тридцать больше.

Окоп.

Ров.

И баллисты.

Рид пользовался всеми преимуществами местности, но понимал – следующий день они, может, и простоят, а вот завтра ночью придется сниматься с места и уходить.

Куда?

А чего тут думать!

К Дорану!

Отбить, к шервулям, крепость, тем более что гарнизон там должен быть небольшим, сделать круг и выйти в тылу степняков. И отрезать их от родных просторов! Пусть Иллоийский ударит им в лицо, а Рид, в нужный момент, в спину. Неблагодарно?

Не стоит проявлять благородство с шакалами, это кончится ужином, на котором вы окажетесь главным блюдом.

Рид медленно обошел лагерь, осмотрел все посты. Люди были измучены, но сдаваться никто не собирался. Не на тех напали...

– Какие планы? – Стивен догнал, пошел рядом. Старик – сейчас Стивен Варраст выглядел не просто на свой возраст, а еще и с прибавкой – тоже прихрамывал, тяжело дышал, но сдаваться не собирался и он.

– Драться, какие тут планы? – удивился Рид. – Стоим мы, ну и еще постоим! Подождем подхода основных сил...

– Нас тогда раздавят.

– Нас в любом месте раздавят, – махнул рукой Рид. – Но Равелю мы дней десять точно выиграем. Думаю, Симон ими правильно распорядится.

– Да уж, не дурак.

– Ну вот, – Рид улыбался. – Так что все не зря. Глядишь, еще и песню о нас сложат какую... героическую.

Стивен витиевато послал менестрелей с их песнями и героев с их дуростью.

Рид мысленно согласился, а вслух...

– Ладно. Ты обойдешься, а мне – надо. Меня король еще женить обещал, а менестрели – народ такой. Споют хорошо, так ко мне очередь из баб выстроится. Отсюда и до Равеля.

Грубоватые шуточки, да и ладно. Тут главное показать всем, что комадир бодр, весел и помирать не собирается. А если так – постоим!

Только...

– Это – что?

Рид заметил, что в карробаллисту закладывают какие-то странные снаряды. Подошел – и нахмурился. Все он понимал, но обстреливать противника головами степняков?

– Даран!

Ланс появился словно из-под земли.

– Это что такое?

– Ваше сиятельство, головы.

Материалом для подобной стрельбы степняки их за сегодня обеспечили с лихвой, Рид это понимал, но...

– А вы не зарвались, Даран? Я ведь могу и вашей головой...

– Ваше сиятельство, хотите – стреляйте. – Инженер был бледен и решителен. – Это стрелами нас засыпают, а снарядов мало. Хоть самому ложись! Вот и приходится... изворачиваться.

– И какой урон нанесут такие... снаряды?

– Это от расстояния зависит. Ближе – лучше. Но и дальше... пусть лезут, командир?

Рид подумал – и кивнул.

Гадко, мерзко... проза войны. Пусть бесятся, пусть лезут, пусть понимают, что их головы могут стать следующими...

– Ладно, стреляйте.

А что на душе у маркиза гадко... ну так что же? Это – жизнь. Это – война.

И – да. Мертвому телу уже наплевать, что там с ним делают. С его головой или задницей. А живые...

Идите шервулям в зад, господа, с вашим чистоплюйством. У Рида задача проще – разъярить врага. Даран с этим справляется, вот и не стоит его пилить. Точка.

Глава 5

Матильда Домашкина

– Ты уверена, что стоит надевать эту майку?

– А что ты предлагаешь?

– Вон ту... С пауком.

– Нет. Не стоит быть настолько... неформальной.

Матильда пожала плечами. Она бы надела, но раз подруга считает именно так...

Наряд для поездки к друзьям Давида Асатиани подруги подбирали вместе. Ничего вычурного, все простенько, аккуратно, со вкусом.

Джинсы. Обычные, светлые джинсы, из тех, которые носят все, от семи и до семидесяти, без картинок, вышивок, стразов и аппликаций.

Майка – тоже обычная, светло-голубая, с абстрактным серебристым рисунком. Копеечная, но качество неплохое. На ноги – кроссовки. На плечо – джинсовый рюкзачок. С собой – теплая кофта спортивного образца, байковая, уютная, из тех, которые так и хочется гладить рукой, наслаждаясь ощущением материала под пальцами. Все очень простое, достаточно дешевое... волосы собрать в хвост, на лице минимум косметики – только глаза подвести карандашом, даже губы не красить. Ни к чему здесь излишества.

Было сказано – дача друга, пикник на природе. Глупо наряжаться, как павлин...

Из украшений – сережки в ушах. Простые, под стать всему наряду. Ни колец, ни браслетов, ни шести цепочек на шею, даже та, что есть, тщательно прячется под майку.

Спортивный стиль не подразумевает украшений. Он – спортивный, а когда пытаются смешивать...

Иногда это получается красиво. Но чаще – очень и очень глупо и вульгарно. Малена и не пыталась, ни к чему. Будь собой, и точка.

Давид, кстати, выглядел очень похоже. Джинсы, майка, кроссовки. Матильду он окинул одобрительным взглядом.

– Отлично выглядишь.

– Спасибо.

Из окна злобным взглядом смотрела вездесущая тетя Параша. Матильда адресно улыбнулась ей – пусть порадует, посплетничает – и забралась в джип.

– Чего мне ждать?

– В смысле?

– Кто будет на вашей встрече и чего мне ждать от этих людей? Одобрения, безразличия...

Давид понял, о чем речь, и кивнул.

– Андрей – у него день рождения, с его девушкой. С Андреем у меня отношения ровные, девушку не знаю. Манана с Сергеем. Сергей на меня давить тоже не будет, как и на тебя, а вот Манана может пошипеть. Сама понимаешь, сестра...

Малена кивнула, хотя и не понимала. Она слушала внимательно. Это Матильда не понимала, что такое выход в свет, а герцогесса...

Для кого событие, для кого стиль жизни и работа. А к работе надо готовиться.

– Нателла с мужем не придут. У него работа, – Давид чуть сдвинул брови, – а у сестрицы жуткий токсикоз. Так что... сестра будет всего одна.

Малене и половины хватило бы.

– Двое друзей Андрея – Петя и Витек.

– Друзья?

– Так, пересекались пару раз. Витек нормальный, только лентяй, но у него отец половиной рынка владеет, может себе позволить. А Петя – с тем поосторожнее.

– Почему?

Давид кашлянул, проглатывая грубость, и сформулировал вежливо:

– Петя твердо уверен, что недоступных женщин на свете нет.

– Есть те, которых он еще не толкал? – язвительно уточнила Малена, намекая на народную мудрость: «Что шевелится, то любим, что не шевелится – толкаем и тоже любим».

Давид пару минут подумал – и фыркнул в ответ.

– Вот именно. Если будет примеряться – скажи, я ему нос по морде раскидаю.

Малена и не собиралась молчать, если что.

– Это все?

– Еще Антон с Юлькой.

«Твою мать!»

«Шервуля вам под хвост!»

Девушки были молчаливы, но единодушны и выразительны настолько, что Давид смущенно кашлянул.

– Я и сам не знал, Андрюха вчера сказал.

Малена еще раз перебрала в уме присутствующих.

– Петр и Виктор будут с девушками?

– У них постоянных нет, там познакомимся. Я тебя сам представлю.

– Благодарю вас, – кивнула Малена.

Кажется, это будет сложный день. А и ладно! Переживем, пережеем! Десять человек, не считая присутствующих, неужели она не справится? Еще как справится!

– Не уверена. Если только в порядке живой очереди, – задумалась Матильда.

– Бить – не будем.

– А воспитывать?

– Если до пяти лет не воспитали, сейчас уже поздно, – Мария-Элена пожала плечами.

Матильда спорить не собиралась. Поздно, рано... Пусть Малена разбирается. Она аристократка, они это должны уметь. Вот!

* * *

«Домик» оказался огромным двухэтажным коттеджем из красного кирпича, с громадной верандой и здоровущим прилегающим участком, наверное, соток в десять-пятнадцать, на котором не росло ни единой полезной зеленки. Ни грядки с укропом, ни куста с клубничкой – газон, альпийская горка, качели, мангал под навесом и большая беседка.

Всю эту роскошь огораживал такой же забор из кирпича, с пиками поверху и камерами снаружи.

– Стильно, – оценила Малена.

– Я сам рисовал, – похвастался Давид. – Андрюха попросил, ну и...

– Можно будет потом посмотреть? – Малене стало интересно. Что может нарисовать Давид Асатиани и что могут построить по его чертежам?

Можно обманываться внешностью, словами, поступками, но нельзя обманываться творениями рук человеческих, ибо в каждом из них – душа творца.

В книге, музыке, песне, в доме, в скульптуре, даже в автомобиле, который вышел из мастерской, – и то частичка души мастера. И это – видно. И душу видно.

– Сам покажу, – пообещал Давид. – Андрюха против не будет.

Джип затормозил рядом с машиной хозяина, и Давид вышел из машины, подав Малене руку.

Девушка коснулась его ладони кончиками пальцев, легко спрыгивая с подножки.

– Додик! Привет!

– Андрюха! Здорово!

– Ты чего – на своем крокодиле? А пить не будешь? Или девушку за руль посадишь?

– Девушка пока еще права не получила.

– Что, одни обязанности? Ну знакомь.

Андрей, русоволосый мужчина лет тридцати, среднего роста, улыбчивый и сероглазый, смотрел весело и дружески. И Малена улыбнулась ему.

С этой стороны гадостей ждать не приходится, он смотрит как на девушку друга. Чужое имущество, покушений не будет, агрессии – тоже.

– Знакомься, – согласно кивнул Давид. – Малена.

– Малена?

– Матильда, но вот так сократилось.

– Да-а? Девушка, а вы, часом, не балерина?

Матильда в очередной раз послала лучи поноса режиссеру, который не держал талант в... внутри! Малена мило улыбнулась.

– Я не балерина, у меня профессия есть.

– И какая же?

– Канцелярская крыса, – развела руками Малена. – Делопроизводитель – в будущем, секретарша в настоящем.

Андрей кивнул, явно понижая ее на несколько ступенек в своем мнении. Не чья-то дочка или сестра, просто девочка из народа, взята для компании. Почти эскорт, только на пару ступенек повыше. Но – не своя.

«Козлы», – прошипела Матильда.

«Тильда, – фыркнула Малена, – а что в этом такого? Мы ведь и правда не ровня. Я – Домбрийская, ты – моя сестра, а они нувориши. Им до моего рода, как до неба, сравнивать смешно».

«Они ведь об этом не знают».

«Ну так и ваш слон из басни о Моське не знал. Подумаешь, величина...»

Малена представила себя в виде слона – и ей не понравилось. У нее фигура лучше и уши меньше, вот!

– Главное, что не певица и не актриса, – примирительно улыбнулся Андрей. – А остальное уже неплохо.

Малена не стала уточнять, чем и кому не угодили творческие личности. Она просто вежливо улыбнулась.

– А это Андрей. Наш хозяин и именинник. Подарок получил?

– А то ж! Додик – спасибо! С меня причитается!

– Учту при расчетах.

Малена молчала, понимая, что в мужские разговоры лезть не стоит. Но молчала только она одна.

– Додик!!!

От дома, покачиваясь на высоких шпильках и безжалостно взрывая лесную зелень алым оттенком коротенького платья, спешила Диана. Та самая блондинка с концерта.

Улыбаясь, под руку с Антоном, направлялась в их сторону Юлия Шаврина. А в беседке сидела девушка восточной наружности, и ее взгляд тоже не предвещал Малене ничего хорошего.

Причем все-все девушки были в платьях разной степени открытости и все – с прическами. Хоть в лес, хоть на концерт. Малена, с ее хвостиком, просто не смотрелась рядом с ними... и кажется, сейчас ее начнут жрать.

В принципе.

Жестоко.

День переставал быть томным.

* * *

– Малечка?

– Тильда, спокойно. Я справлюсь.

– Ты уверена?

– В монастыре легче не было. Главное, не перехватывай контроль, пока я не разрешу.

– Хорошо...

Матильда внутренне собралась.

Малена весело улыбнулась, глядя на всех с искренним дружелюбием. Ну, камера, мотор – поехали?

– Диана? Какими судьбами?

Давид явно не был в восторге от встречи.

Красотка ослепительно улыбнулась, явно пародируя какую-то американскую диву. Наверное, она хотела ей подражать, но получалось откровенно плохо. Не светская львица, а светская пиранья.

– Додик, я приехала поздравить Андрюшу. Ну и решила задержаться, узнав, что ты здесь будешь...

Лапка с ядрено-алым маникюром потянулась ухватить Давида за рукав пиджака, но ровно за секунду до окончания действия на локоть мужчины легла рука Малены.

– Давид, тебя не затруднит представить нас? Мы, кажется, виделись с девушкой, но так и не знакомы?

Давид положил вторую руку на кисть Малены.

Диана недовольно скривилась, но коготки пока прибрала. Вряд ли надолго.

– Малена, это Диана...

– Диана Ивановна! – недовольно поправила красотка.

– Очень приятно познакомиться, уважаемая Диана Ивановна, – согласилась Малена.

– А это Матильда...

– Матильда Германовна, можно просто – Малена. – Матильда небрежно пожала плечами.

– Вы немка? – подозрительно уточнила Диана.

Ответить Малена не успела, до них добралась Юлия Шаврина. Да, тяжело по траве на шпильках, поневоле спотыкаешься...

– Додик, солнышко! Как замечательно, что ты приехал!

Бросаться мужчине на шею Юля не стала, но улыбку подарила вполне себе ослепительную.

– Юля, ты обаятельна, как и всегда. Антоха, привет...

Мужчины пожали друг другу руки.

– Малена...

Антон улыбнулся девушке и получил в ответ такую же улыбку.

Малена твердо решила взять за образец пингвинов с Мадагаскара – то есть улыбаться и махать лапкой. И речь не о карате.

– Антон Владимирович...

– Здесь – просто Антон, мы же в неформальной обстановке. – Антон поднял руки, показывая свою безбидность.

– Вы знакомы? – уточнил Андрей.

– Да. Малена – мой секретарь, – разъяснил Антон, – а Додик – гнусный товарищ Саахов, который собирается ее украсть.

– Если девушка – студентка, комсомолка, спортсменка и, наконец, просто красавица, ее и надо красть, пока другие не подсустились, – притворно оскорбился Давид. – А кто ушами прохлопал – тот и прохлопал, так-то. И вообще я думал, ты сюда с Иришкой заявишься?

Теперь настала очередь Антона корчить рожи, а вот Юля промолчала. Явно в курсе ситуации...

Матильда чуть сильнее сжала пальцы на руке Давида, получила в ответ недоуменный взгляд и указала глазами на беседку. Намек мужчина понял мгновенно.

– Малечка, пошли, я тебя с сестрой познакомлю.

– Буду рада знакомству, – прошептала Матильда. – Прошу нас простить, семья – это святое.

Легкая улыбка – и разворот на девяносто градусов. И плевать на гримасы на лицах Антона, Юли и Дианы. Ивановны, да...

До беседки надо было пройти всего-то шагов десять, но этого хватило.

Укоризненный взгляд на Давида. Привез в гадючник!

Виноватый взгляд от Давида – он не ожидал. Заявлено было вовсе не то, что получено.

Что ж, придется справляться.

Манана, а это, видимо, была она, встала и широко раскинула руки.

– Братик!

Давид отпустил Малену и крепко обнял сестру.

– Как дела, зайка?

– Ох... не спрашивай. Сережа с утра до вечера на работе, я все время с детьми, мужа почти не вижу.

– Бизнес, сама понимаешь. Не может он целыми днями сидеть у твоей юбки...

– Я понимаю... Вот и сейчас – представляешь, опять с Витей считать что-то наметились!

– Я их сейчас быстро разниму, – махнул рукой Давид.

– Или сам с ними застрянешь часа на полтора. – Манана смотрела безнадежно. Как восточная женщина, она понимала, что никогда не будет на первом месте в жизни своего мужа. А как просто женщина – тосковала.

– Все возможно, – не смутился Давид. – Кстати, познакомься, Малена. Малечка, это моя сестра, Манана.

– Очень приятно познакомиться. – Малена чуть отстраненно улыбнулась.

Да, я дружелюбна, но пресмыкаться и кидаться вам на шею не стану. У меня тоже гордость имеется.

– Твоя новая девушка? – Манана скользнула взглядом по фигурке в джинсах без особого интереса, даже с легкой неприязнью.

Еще одна русская девка. Вешаются тут на брата, хоть презервативы вагонами закупай!

– Пока нет, но я не теряю надежды, – отшутился Давид. – Поменяемся?

– То есть?

– Я вытаскиваю Серегу, а ты приглядываешь за Малечкой, чтобы ее эти гарпии не загрызли.

«Какая здравая оценка», – восхитилась Матильда.

«А что такое гарпии?»

«В вашем мире их аналогом является Лорена».

«Брр... ну и гадостные же твари, наверное...»

«А ты сама на них погляди. Разве есть сомнения?»

Сомнений у Малены не было. Дамы – и Юлия, и Диана – сплоченным фронтом направлялись к беседке. Жаль, по цвету не очень сочетались – Диана выбрала на сегодня красное, а Юлия – зеленое. Желтого цвета не хватало...

Манана поглядела на процессию. Фыркнула...

– Ладно. Поберегу я твою подругу, но Сергея мне вытащи в ближайшие полчаса.

Давид тряхнул головой, беззаботно фыркнул и подмигнул Малене.

– Продержитесь?

– Эх, а кипящее-то масло я дома забыла. – Малена похлопала себя по карманам. – И катapultы нет...

– Серьезное упущение, – согласилась Манана. – Ждем...

Давид оглянулся на подступы к беседке, на дорожку, которая была уже плотно блокирована силами противника, – и выпрыгнул через бортик беседки прямо в траву.

– Сейчас буду!

Догнать его на шпильках да по траве было делом гиблым. А потому Юлия с Дианой направились в сторону беседки.

Малена посмотрела на Манану оценивающим взглядом.

На чьей стороне будет эта женщина? На ее?

Давид просил, да, но мало ли кто, кого, о чем просил... Дружба – дружбой, а ревность – всё врозь.

Манана всем видом показывала, что она тут ни при чем. Ну что ж...

«Обложили», – вздохнула Матильда.

«Им же хуже», – не согласилась Мария-Элена.

На большее времени у девушек не хватило, Юлия с Дианой вошли в беседку.

* * *

– А куда Давид убежал? – начала атаку Диана.

– По делам. – Манана всем видом показывала, что отчитываться тут ни перед кем не собирается.

– А он вернется? – Юлия смотрела невинно.

– Безусловно.

– Милочка, а вы что тут делаете? Вам заняться нечем? – Юлия переключила внимание на Матильду.

– Сiju, – лаконично разъяснила девушка.

– Да что вы говорите? А я и не догадывалась, что вы сидите!

Ноль внимания, милая улыбка. Не догадывалась? Зато теперь знаешь...

– Да, Давид последнее время стал таким толерантным, – подхватила Диана. – То секретарши, то уборщицы...

– Скоро до посудомоек дойдет.

– У каждого парня такое случается в жизни. Надо просто перебеситься...

– Главное, чтобы потом прививки не пришлось делать, от последствий бешенства. Это же низший класс, они отвратительно неразборчивы в связях.

– Да-да, спят со всеми подряд, Юлечка, но что ты хочешь? Настоящей женщине надо соответствовать, а если какой-нибудь кофедавалке, тут ни ума не надо, ни фантазии...

– Плати – и все. Не правда ли?

Глаза Юлии впились в Матильду в ожидании реакции. Малена мило улыбнулась в ответ.

– Да, кофе нынче дорог.

– Но я надеюсь, вы умеете... давать кофе?

– Антон Владимирович пока не жаловался. Ни на кофе, ни на сервировку, – нанесла ответный удар Малена. И с удовольствием увидела, как на миг сверкнули злостью глаза Юлии.

А нечего тут!

– Да, я и забыла, вы же у Антона работаете... как вас там?

– Малена.

– Это от какого же имени?

– Матильда, – пояснила Малена.

– Это как у Кшесинской, – прищурилась Диана.

– У Кшесинской был большой опыт... – кивнула Юля. – Скольких она там перебрала?

– Полдвора, – фыркнула в ответ красotka Ди.

– А ведь правду говорят, имя определяет характер?

– Конечно, правду. – Диана поправила прическу под ее высочество принцессу Диану. Жаль, что воспитания под принцессу к прическе не прилагалось, так что Малена не впечатлилась.

– Малена, а вы не танцуете?

– Нет.

– А на флейте играете?

– Нет.

– Попросите Антона, он научит...

Малена промолчала.

– А чем сейчас занимается Давид? Каким проектом? – За отсутствием реакции у Малены Диана решила втянуть в разговор еще одного человека.

– Не знаю. – Манана мило улыбнулась. – Братик мне не отчитывается.

– Я видела дом, который он нарисовал. Стояла, смотрела в восхищении, такое чудо!

Диана изо всех сил производила впечатление. Юлия ей помогала. Пара минут – и Малену полностью оттерли от разговора. Девушка не огорчилась.

Сидела, смотрела в окно, густо оплетенное виноградными лозами. Диана восхищалась Давидом, говоря о его понимании прекрасного, Юля поддакивала, Манана подавала вежливые реплики, за которыми чувствовалось тщательно замаскированное раздражение. Все были при деле.

– ...а вы что об этом думаете?

Малена даже не сразу поняла, что обращаются к ней.

– Простите?

– Вы нас не слушали? – искренне удивилась Манана.

Малена покачала головой.

– Я задумалась.

– Она задумалась, – ухмыльнулась Юлия. – Представьте себе!

– Она еще и думать умеет! Какая прелесть! – умилилась Диана.

– Уж снизойдите до нас, убогих...

Малена одарила Юлию насмешливым взглядом.

– Так о чем вы спрашивали?

Юля побледнела от злости, но вопрос повторила, раз уж сама подставилась.

– Что вы думаете, Малена, сколько комнат нужно в квартире?

– Чтобы человеку хватало. – У Малены даже и сомнений не возникло. Не озвучивать же цифру двести пятнадцать? В Донэре их именно столько. И ей – да, ей хватает.

– Для вас, например?

– Мне пока достаточно.

– Только – вам? Вы не с родителями живете? – Манане тоже стало интересно.

– С кошкой.

– А родители?

– В жизни всякое бывает...

– Ну и что же случилось в вашей жизни?

Малена пожала плечами.

– Любовь – дорогое удовольствие, как для человека, так и для его близких. Мои родители слишком друг друга любили, поэтому меня воспитывала бабушка.

– Они умерли? – Манана отвязалась, зато включилась Диана.

Малена покачала головой.

– Простите, мне не хочется об этом сегодня говорить. Слишком хороший день для печальных историй.

Женщины переглянулись. Кажется, они что-то не то подумали, но какая разница? Откровенничать в этой компании не хотели ни Мария-Элена, ни Матильда.

– Бедная сиротка, – пропела Юля.

– Надо поговорить с Антошей, пусть повысит девочке зарплату. – Диана похлопала наращенными ресницами. – Работает, старается, пробивается, как может...

– Да, глядишь, и на приличную одежду денег хватит.

– И на косметику тоже. Малена, это у вас чья маечка?

– Моя, – искренне удивилась Малена. – Я чужие вещи не ношу.

Диана поморщилась. Действительно, вопрос был задан неудачно.

– И где произведено это чудо текстиля?

– Даже не представляю.

– Разумеется. Диана, на рынках ведь не говорят, откуда эти жуткие шмотки привезли, – включилась Юлия. – Это же с рынка?

Малена широко и весело улыбнулась.

– Я даже не помню, что и откуда. А это важно?

– Для вас, конечно, не важно, – милостиво согласилась «гарпия» Юлия. – Вам можно и в дешевом...

Малена развела руками.

– Как говорилось в одной замечательной комедии – у молодого человека есть главное его достоинство. Молодость. И тут уж не важно, во что он одет.

Попало не в бровь, а в глаз. Юлия, которая была лет на семь-восемь постарше, покривилась, вслед за ней оценила укус Диана.

– Молодость проходит.

– Ну и вещи тоже... проходят. Выходят из моды, к примеру.

– Дешевка никогда и не бывает в моде, – оскалилась Диана.

Малена и не подумала отвечать агрессией на агрессию. Вместо этого на ее губах появилась снисходительная улыбка.

– Да, я с вами полностью согласна. Именно дешевка...

И как-то так это было произнесено, что дешевкой себя почувствовала именно Диана. Через минуту она бы опомнилась, она бы стерла нахалку в порошок, но не успела. Просто не успела, она-то не видела того, что подметила Малена.

Спас Малену вовремя появившийся молодой человек лет двадцати пяти. Невысокий, плотный, чем-то похожий на доктора Ватсона в исполнении Соломина, только темноволосый и кареглазый.

– Девочки, привет! Манана, ты великолепна, как всегда. Юлия, ты просто блистаешь. Диана, я слепну от твоей красоты! А это что за милое дитя?

Кажется, это и был тот самый Петя.

– А, это с Давидом, – махнула рукой Юлия. – Как там... Мария?

Малена ловко спрыгнула с перил, на которых сидела. И – преобразилась.

Здесь и сейчас стояла герцогесса Домбрийская. Движение руки, поворот головы, взгляд... и Петр сам не понял, как поднес к губам тонкую руку. Не во имя игры, просто иначе нельзя было. Это же герцогесса, а не посудомойка.

– Матильда Германовна. Для вас – Малена.

– Петр Сергеевич... то есть Верховский... Петя...

– Приятно познакомиться.

Наваждение схлынуло. Рядом, в беседке, опять оказалась самая обычная девушка, но произведенное ею впечатление не забылось. Выражение в глазах Мананы сменилось с насмешливого на задумчивое.

– А мне как приятно. Вы...

– Я приехала с господином Асатиани, – пояснила Малена.

– И где он прятал от меня такую красавицу?

– Хвост собери и не распускай при чужих девушках, не то ошпилю, – Давид появился как нельзя более вовремя. Рядом с ним шел мужчина, при виде которого Манана просияла улыбкой.

Малена посмотрела оценивающим взглядом.

Ничего особенно интересного. Среднего роста, светлые волосы, подлысоватый, чуточку сутуловатый, рядом с женой он просто не смотрится. Но Манана его, похоже, любит?

«У нее выбора нет, – фыркнула Матильда. – Малечка, держись. Вот ведь гадюки!»

«Разве ж это гадюки? Это так, веретеницы», – фыркнула в ответ Малена.

Давид тем временем ненавязчиво отодвинул Петра и посмотрел со значением.

– Как ты тут?

– Все замечательно. Очень милые девочки. – Малена улыбалась. Кажется, кто-то подавился воздухом, то ли Юля, то ли Диана, но это не важно. – Мы просто замечательно пообщались, все были так любезны!

Давид тоже хмыкнул, но ничего не сказал. Просто приобнял девушку за талию.

– Там из ресторана все доставили. Малечка, ты не поможешь девочкам?

– Разумеется...

Малена куда угодно бы убралась из этого змеюшника... а что там за девушки?

* * *

Слова с делом у Давида не расходились. Он мгновенно похитил Малену из беседки, доставил на лужайку перед домом и удрал заниматься мясом. Женщины ведь так не смогут, нет... Шашлык – мужское дело, и точка.

У большого стола, накрытого на лужайке, сустились две девушки, которых Малена тут же обозначила для себя, как Блондинку и Рыжую.

По окраске. А так их различить было сложно.

Модельно худые фигуры, модельно надутые силиконом груди-попы-губы, макияж, срисованный из модных журналов, яркие платья в обlipочку, кстати, на блондинке – желтое, на рыженькой – зеленое. Будут сливаться с Юлей... хотя на той платье подороже, раза так в три-четыре.

Ничего нового.

Униформа, однако.

Одна Манана была одета в простое темно-синее платье средней открытости (о цене лучше умолчать, чтобы не переживать), но ей можно, она уже замужем и уже убила бобра своей жизни. А девушкам надо, девушки на охоту вышли. Это даже в биологии нашло свое отражение. Чем ярче оперение, тем сильнее призыв и активнее охотник. Или охотница.

Сейчас подружки-побрякушки друженько раскладывали по тарелкам нарезку.

Малена зависла на минуту. Потом прищурилась...

«А у тебя есть навыки?» – опасливо уточнила Матильда.

«Тильда! Я же герцогесса!»

«И что?»

«Это входит в обучение хозяйки дома. Домбрийские у себя и королей принимали! А уж приемы устраивать, с гостями разбираться – я обязана уметь!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.